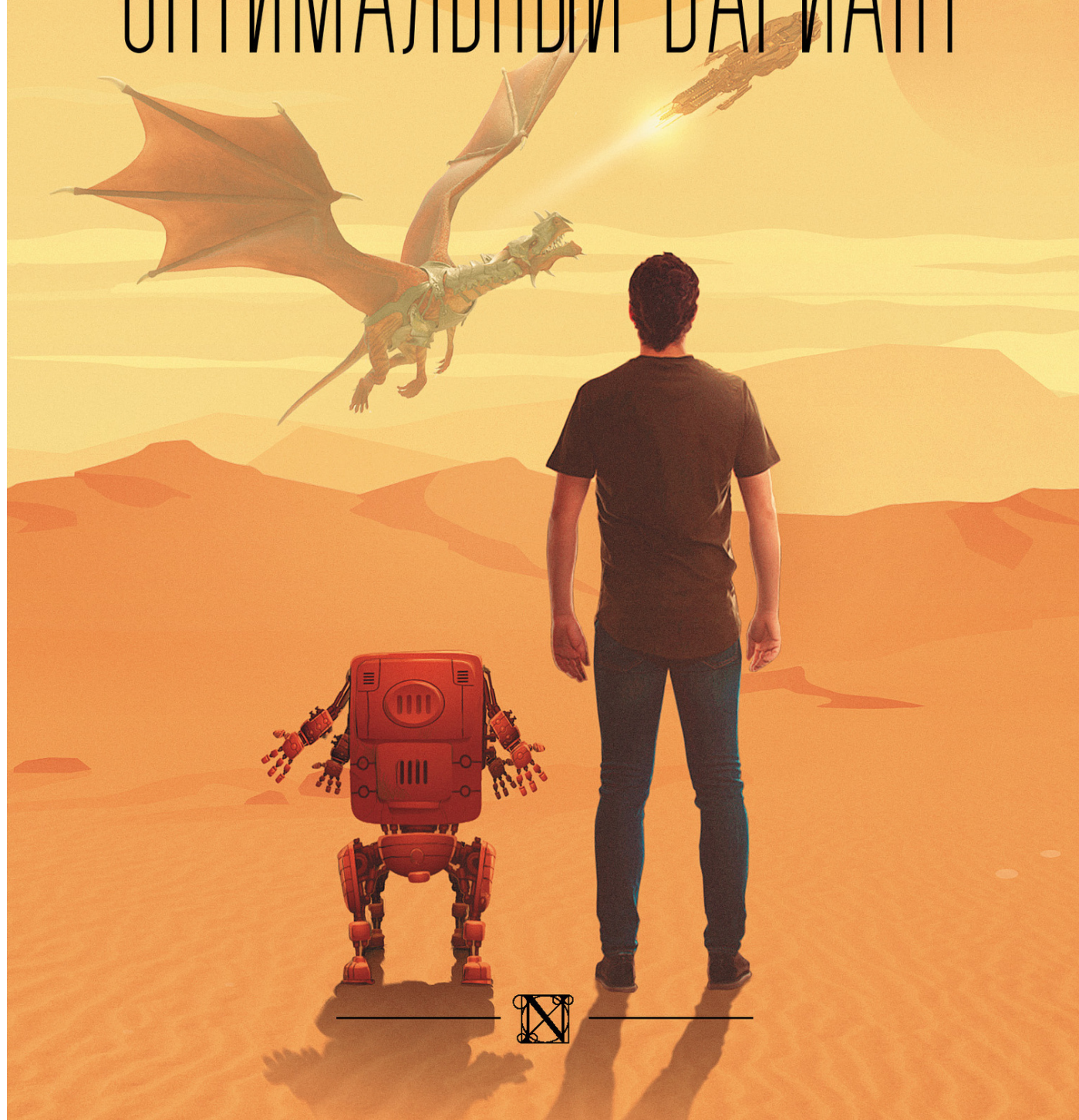

— ФАНТАСТИКА —
КЛАССИКА И СОВРЕМЕННОСТЬ

РОБЕРТ ШЕКЛИ

ХОЖДЕНИЕ ДЖОЭНИСА ОПТИМАЛЬНЫЙ ВАРИАНТ

Фантастика: классика и современность

Роберт Шекли

**Хождение Джоэниса.
Оптимальный вариант**

«Издательство АСТ»

1962, 1975

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

Шекли Р.

Хождение Джоэниса. Оптимальный вариант / Р. Шекли —
«Издательство АСТ», 1962, 1975 — (Фантастика: классика и
современность)

ISBN 978-5-17-133988-3

Роберт Шекли (1928–2005) – «священный монстр» НФ, чье имя наряду с именами Азимова, Брэдбери, Хайнлайна, Саймака вписано в историю англо-американской литературы золотыми буквами. Автор двух десятков романов и такого же количества сборников, он в первую очередь прославился своими юмористическими и сатирическими произведениями.

В «Хождении Джоэниса» полинезиец, задумавший посетить страну своих предков – Америку, испытывает ряд поистине сюрреалистических приключений, знакомится с представителями самых разных социальных слоев американского общества и даже попадает в СССР! Сатирический памфлет в той же мере, в какой и философский трактат, и плутовской роман, «Хождение Джоэниса» стоит в одном ряду с лучшими романами Курта Воннегута и состоит в родстве с сочинениями Вольтера, Кафки и Ярослава Гашека. Роман впервые публикуется полностью! В «Оптимальном варианте» потерпевший кораблекрушение космический торговец Том Мишкин вынужден пройти тяжкие испытания, чтобы починить свой корабль и покинуть фантастически абсурдную планету Гармонию, где на любой вопрос существует не меньше дюжины ответов и ничто не является тем, чем кажется. В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-133988-3

© Шекли Р., 1962, 1975

© Издательство АСТ, 1962, 1975

Содержание

Хождение Джоэниса	7
Введение	7
1. Джоэнис отправляется в путешествие	9
2. Лам встречается с Джоэнисом	12
3. Сенатская комиссия	15
4. Как восторжествовала справедливость	19
5. История Джоэниса, Вчёмда и полицейского	22
6. Джоэнис и три водителя грузовика	25
7. Приключения Джоэниса в сумасшедшем доме	38
8. Как Джоэнис преподавал в университете, и что он при этом узнал	44
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Роберт Шекли
Хождение Джоэниса.
Оптимальный вариант

Robert Sheckley
THE JOURNEY OF JOENES
OPTIONS

© Robert Sheckley, 1962, 1975
© Перевод. О. Степашкина, 2020
© Перевод. В. Бабенко, 2020
© Перевод. В. Баканов, 2020
© Издание на русском языке AST Publishers, 2020

Хождение Джоэниса

Введение

Невероятный мир Джоэниса существовал более чем тысячу лет назад, в глубоком и туманном прошлом. Мы знаем, что путешествие нашего героя началось около 2000 года и завершилось в начале современной эпохи. Мы также знаем, что время, в котором путешествовал Джоэнис, примечательно своими промышленными цивилизациями. Механическая артикуляция двадцать первого века породила странные творения, незнакомые современному читателю. И все же большинство из нас рано или поздно узнало, что имели в виду древние под «управляемым снарядом» или «атомной бомбой». Детали некоторых из этих фантастических устройств можно увидеть во многих музеях.

Более скудны наши знания в области обычаев и законов того времени. И чтобы получить хоть какое-то представление о тогдашних религиях и этике, необходимо обратиться к «Хождению Джоэниса».

Без сомнения, сам Джоэнис был реальным лицом; однако мы никак не можем определить степень достоверности всех бытующих о нём историй. Некоторые из них – не изложение фактов, а, скорее, определенного рода моральные аллегории. Но даже те истории, которые считаются аллегорическими, всё равно отображают дух и характер той эпохи.

Настоящая книга, таким образом, – это сборник сказаний о путешественнике Джоэнисе и об удивительном и трагическом двадцать первом веке. Некоторые истории подтверждаются документально, фигурируют в летописях, но большая их часть дошла до нас в устной форме, передаваясь от рассказчика к рассказчику.

Если не считать нашей книги, единственное письменное описание «Хождения» появляется в недавно опубликованных «Фиджийских сказаниях», где, по очевидным причинам, роль Джоэниса отходит на задний план по сравнению с деяниями его друга Лама. Это существенно искажает содержание и совершенно не соответствует духу «Хождения». Руководствуясь вышеприведёнными соображениями, мы решили создать книгу, в которой все истории о Джоэнисе были бы правдиво изложены и сохранены для грядущих поколений.

Книга также содержит всё написанное о Джоэнисе в двадцать первом веке. К великому сожалению, эти записи весьма малочисленны и разрозненны и составляют лишь две главы: «Лам встречается с Джоэнисом» (из «Книги Фиджи», каноническое издание) и «Как Лам поступил на военную службу» (также из «Книги Фиджи», каноническое издание).

Все остальные истории о Джоэнисе или его последователях передаются из уст в уста. Наш сборник запечатлевает в письменном виде слова самых известных современных рассказчиков без малейших искажений, во всём многообразии их точек зрения, стиля, характеров, морали, комментариев и так далее. Мы хотим поблагодарить рассказчиков за любезное разрешение записать их сказания. Их имена:

Ма'аоа с Самоа,
Маубинги с Таити,
Паауи с Фиджи,
Пелуи с острова Пасхи,
Телеу с Хуахине.

Автор указывается в начале каждой главы. Мы приносим извинения многим блестящим рассказчикам, которых мы были не в состоянии включить в сборник: их труды будут использованы при составлении полного жизнеописания Джоэниса с комментариями и вариантами.

Для удобства читателя истории расположены в хронологическом порядке, как главы развивающегося повествования, с началом, серединой и концом. Но мы предупреждаем читателя, чтобы он не ожидал последовательного и цельного изложения, так как некоторые части длинные, а некоторые короткие, одни сложные, а другие простые, в зависимости от индивидуальности рассказчика. Редакция, безусловно, могла бы сократить или расширить определённые главы, приведя их к одинаковому объёму и наделив своим собственным качеством порядка и стиля. Но мы предпочли оставить притчи в оригинальном виде, чтобы читатель мог ознакомиться с описанием «Хождения», не прошедшим никакой цензуры. Это будет справедливо по отношению к рассказчикам и позволит передать правду о Джоэнисе, о людях, которых он встречал, и о странном мире, с которым он столкнулся.

Редакция дословно повторила повествования рассказчиков и без изменения привела два письменных памятника, ничего не добавив и воздержавшись от замечаний. Наши комментарии содержатся лишь в последней, завершающей главе.

Теперь, читатель, мы приглашаем тебя познакомиться с Джоэнисом и отправиться с ним в путешествие через последние годы старого мира и первые годы нового.

1. Джоэнис отправляется в путешествие

(Записано со слов Маубинги с Таити)

На двадцать пятом году жизни героя произошло событие, роковым образом повлиявшее на его судьбу. Чтобы пояснить значение этого события, сперва необходимо рассказать кое-что о нашем герое; а чтобы понять его, надо описать место, где он жил. Итак, начнем оттуда, стараясь как можно быстрее перейти к основной теме повествования.

Наш герой, Джоэнис, жил на маленьком острове в Тихом океане – на атолле в двухстах милях к востоку от Таити. Остров этот, имеющий две мили в длину и несколько сот ярдов в ширину, назывался Манитуатуа. Его окружал коралловый риф, а за рифом простирались синие воды Тихого океана. Именно сюда приехали из Америки родители Джоэниса для обслуживания электрооборудования, снабжавшего электричеством большую часть Восточной Полинезии.

Когда умерла мать Джоэниса, его отец стал работать один; а когда умер отец, Тихоокеанская электрическая компания потребовала, чтобы Джоэнис заступил на его место. Что он и сделал.

Судя по многим источникам, Джоэнис был высоким, крепкого телосложения молодым человеком с добрым лицом и хорошими манерами. Он взахлёб читал книги из богатой библиотеки отца и, будучи натурой романтической и чувствительной, предавался долгим размышлениям об истине, верности, любви, долге, судьбе, случайности и прочих абстрактных понятиях. В силу своего характера, Джоэнис представлял себе положительные моральные нормы как нечто обязательное и думал о них всегда только возвышенно.

Жители Манитуатуа, все полинезийцы с Таити, с трудом понимали таких людей. Они с готовностью признавали, что добродетели – это хорошо, но при малейшей возможности предавались порокам. Хотя Джоэнис осуждал подобное поведение, ему нравились весёлый характер, щедрость и общительность манитуатуанцев. Не утруждая себя размышлениями о добродетелях, они тем не менее умудрялись вести вполне достойную и приятную жизнь.

Постоянное общение с местными жителями не могло не оказывать влияния на характер Джоэниса, который постепенно менялся. Как считают некоторые, он сумел выжить лишь благодаря тому, что многое перенял у жителей Манитуатуа.

Но об этом можно лишь догадываться, влияние нельзя объективно измерить или оценить. Мы же ведем речь об исключительном событии, происшедшем в жизни Джоэниса, когда ему шёл двадцать пятый год.

Истоки этого события следует искать в конференц-зале Тихоокеанской электрической компании, расположенной в Сан-Франциско, на Западном побережье Америки. Солидные мужчины в костюмах, ботинках, рубашках и галстуках собрались там за круглым столом из полированного тикового дерева. Эти Люди Круглого Стола, как их называли, вершили в значительной степени человеческие судьбы. Председатель Совета Артур Пендрагон получил свой высокий пост по наследству, но сначала он выдержал тяжелую борьбу, для того чтобы занять законное место. Прочно обосновавшись, Артур Пендрагон распустил прежний Совет попечителей и назначил своих доверенных людей. Присутствовали: Билл Лаунселот – финансовый воротила, Ричард Галахад – широко известный своей благотворительной деятельностью, Остин Мордред – человек с большими политическими связями по всему штату, и многие другие.

Финансовая империя, которую возглавляли эти лица, в последнее время пошатнулась, поэтому все они голосовали за единение сил и немедленную продажу всех владений, не дающих прибыли. Это решение, каким бы простым оно ни казалось, имело серьёзные последствия.

На далеком Манитуатуа Джоэнис получил указание Совета прекратить операции Восточно-полинезийской электростанции.

Таким образом, Джоэнис лишился работы. Что ещё хуже, рухнул его привычный уклад жизни.

Всю следующую неделю он размышлял о своем будущем. Полинезийские друзья Джоэниса уговаривали его остаться с ними на Манитуатуа или, если ему так больше понравится, переехать на один из больших островов, например на Хуахине, Бора-Бора или Таити.

Выслушав их, Джоэнис удалился в уединённое место, чтобы поразмыслить над предложениями. Через три дня он вернулся и объявил всем собравшимся о своём намерении отправиться в Америку, на родину предков, чтобы увидеть собственными глазами чудеса, о которых читал, и, возможно, найти там свою судьбу. Если окажется, что судьба его не там, он вернется к народу Полинезии с чистой душой и открытым сердцем, готовый к исполнению любых обязанностей, которые на него возложат.

Люди оцепенели от ужаса, когда услышали об этом, ибо американская земля слыла более неведомой и опасной, чем сам океан, а обитатели её считались колдунами и магами, способными хитроумными заклятиями изменить даже образ мышления человека. Им казалось невероятным, что можно разлюбить коралловые побережья, лагуны, пальмы, каноэ с балансирами и всё такое прочее. Тем не менее подобное случалось и раньше. Некоторые полинезийцы, отправившиеся в Америку, попадали под её чары и никогда оттуда не возвращались. Один из них даже посетил легендарную Мэдисон-авеню, но что он там нашёл, осталось тайной, ибо тот человек больше не заговорил. Тем не менее Джоэнис твёрдо решил ехать.

Он был помолвлен с Тонделайо – манитуатуанской девушкой с золотистой кожей, миндалевидными глазами, смоляными волосами, невероятно пикантной фигурой и манерами, говорившими о хорошем знании мужчин. Джоэнис предполагал послать за Тонделайо, как только обоснуется в Америке, или вернуться к своей невесте, если судьба окажется к нему неблагоприятной. Ни одно из этих предположений не встретило одобрения у Тонделайо, и она обратилась к Джоэнису на преобладавшем в те времена местном диалекте со следующими словами:

– Эй ты, глупый белый парень, хочешь плыть в Мелику? Зачем, эй? Разве в Мелике больше кокосовых орехов? Длинней пляжи? Лучше рыбалка? Нет! Ты думаешь, может быть, там лучше чумби-чумби? Так нет! Будет лучше, если ты останешься здесь, со мной, клянусь!

Вот таким образом красавица Тонделайо возвала к разуму Джоэниса. Но тот ответствовал ей:

– Любимая, ужель ты думаешь, что я хочу покинуть *тебя*, воплощение всех моих грёз и средоточие желаний?! Нет, зеница ока моего, нет! Отъезд наполняет меня скорбью, ибо я не ведаю, какой рок поджидает меня в холодном мире на востоке. Знаю лишь, что долг мужчины толкает меня вперёд, к подвигам и славе, а если велит судьба, то и к самой смерти. Только поняв великий мир, смогу я вернуться и провести остаток дней своих здесь, на островах.

Прекрасная Тонделайо внимательно выслушала эти речи и глубоко задумалась. И обратилась девушка к Джоэнису со словами простой народной мудрости, передаваемой от матери к дочке с незапамятных времен:

– Послушай, малый, я думаю, все вы, белые, одинаковы. Сперва вы делаете чумби-чумби с маленькой вахиной, и это хорошо, а потом вас тянет на сторону, я думаю, чтобы делать чумби-чумби с белой женщиной. Клянусь! И всё же пальмы растут, и кораллы тоже растут, но такой мужчина должен умереть.

Джоэнис мог лишь склонить голову перед древней мудростью островитянки. Однако решимость его не дрогнула. Он знал, что ему суждено посетить Америку, откуда прибыли его родители, принять уготованную судьбу и смириться с непостижимым роком, который лежит в засаде для всех мужчин. Джоэнис поцеловал Тонделайо, и она заплакала, поняв, что слова её бессильны тронуть этого человека.

Окрестные вожди устроили пир в честь Джоэниса, где подавались островные деликатесы – консервированная говядина и консервированные ананасы. Когда на остров пришла торговая

шхуна с обычным еженедельным грузом рома, они печально простились с любезным их сердцу Джоэнисом.

На этой шхуне Джоэнис, в ушах которого всё ещё звучали туземные мелодии, прошел мимо Хуахине и Бора-Бора, мимо Таити и Гавайских островов и наконец прибыл в город Сан-Франциско на Западном побережье Америки.

2. Лам встречается с Джоэнисом

(Рассказано самим Ламом и записано в «Книге Фиджи», каноническое издание)

Ну, вы знаете, как это бывает. Еще Хемингуэй говорил: «Выпивка ни к чёрту, и девчонка дрянь, и что вам тогда делать?» Вот я и торчал в порту, поджидая еженедельную партию мескалина, и, можно сказать, бил баклуши: слонялся и глазел на толпу, на большие корабли, на Золотые Ворота. Вы знаете, как это бывает. Я только что прикончил сэндвич – итальянская салями на настоящем чёрном тминном хлебе – и надеялся на скорое прибытие мескалина, а посему чувствовал себя не так уж паршиво. То есть я хочу сказать, что необязательно чувствовать себя паршиво, даже если девчонка – дрянь.

Ну так вот, тот корабль пришёл из дальних краев, и с него сошёл парень. Такой, знаете, поджарый, высокий, с настоящим загаром и нехилыми плечами. Полотняная рубашка, обтрёпанные штаны и вовсе никакой обуви. Я, естественно, решил, что он в порядке. То есть я имею в виду, он выглядел в порядке. Я подошел к нему и спросил, пришел ли груз.

Этот тип посмотрел на меня и сказал:

– Меня зовут Джоэнис. Я здесь впервые.

Так я и понял, что он не в деле, и попросту отвёл взгляд.

– Не знаете, где можно найти работу? – продолжал он. – Я первый раз в Америке и хочу узнать, что Америка может дать мне и что я могу дать Америке.

Я снова посмотрел на него, потому что теперь уже не был уверен, что он в порядке. В наши дни не каждый работает под хипстера, а иногда, если молотишь под простачка, прямоком можешь угодить в ту Чайную на Небесах, где заправляет Величайший Торговец Наркотиками из всех. То есть на вид-то он был простофилей, а вдруг за этим скрывается дзен? Иисус вот тоже казался простофилей, но он был в тренде, и все мы были бы горой за него, если бы эти старпёры оставили его в покое.

И я сказал Джоэнису:

– Ищешь работу? А что ты умеешь?

– Я разбираюсь в электрических трансформаторах.

– Потрясно, – сказал я.

– И играю на гитаре, – добавил он.

– Эй, парень! – воскликнул я. – Что же ты сразу не сказал, вместо того чтобы болтать о каком-то электричестве! Я тут знаю одно капучиновое местечко, где ты мог бы играть, а всякие старпёры тебе башляли бы. Монета есть?

Этот Джоэнис едва лопотал по-английски, и мне приходилось ему все растолковывать. Но он быстро схватывал насчет монеты и остального, и я предложил ему на некоторое время обосноваться в моей халупе. Когда девчонка все равно дрянь, почему бы и нет? Этот Джоэнис одарил меня улыбкой и сказал, что, конечно, он согласен. Еще он поинтересовался обстановкой и как тут можно поразвлечься. Он казался вполне в норме, даром что иностранец, и я его успокоил, что девчонки есть, а насчет других развлечений пускай пока держится меня, а потом видно будет. Он вроде усёк, и мы двинули на хату. Я дал ему сэндвич из настоящего ржаного хлеба с этими маленькими семечками и с куском швейцарского сыра – из Швейцарии, а не из Висконсина. Джоэнис был абсолютно на нуле, и мне пришлось ссудить его бренчалкой, так как свою гитару он оставил на островах, не знаю уж, где эти острова. И в тот же вечер мы выступили в кофейне.

Надо сказать, что Джоэнис наделал переполоху своей гитарой и песнями, хотя пел на никому не понятном языке и мелодии были малость занудливы. Туристы пришли в пороссячий восторг, будто им задаром отвалили акции «АТ&Т». Джоэнис сорвал восемь долларов 30 центов, чего хватило на пузырь русской – только не надо зудеть мне про патриотизм – и кое-какую

закусь. И к нему приклеилась одна крошка почти шести футов роста, потому что таким уж был Джоэнис. То есть он был высокий и здоровый, с широченными плечищами, да ещё копна выгоревших волос. Для такого, как я, это посложнее, потому что хотя у меня и борода, я малость коротковат, да и толстоват, и порой мне приходится тратить на поиски цыпочек немало времени. А к Джоэнису их тянуло прямо как магнитом. Лезли к нему и всякие бойкие курицы, с вопросами, курил ли он когда-нибудь травку, но я их всех отшил, потому что мескалин уже пришёл, и зачем менять расстройство желудка на головную боль?

И вот Джоэнис, и эта крошка по имени Дейрдра Фейнштейн, и ещё одна подружка, которую она взяла на мою долю, – все пошли ко мне. Я показал Джоэнису, как разминать зёрнышки и всё прочее, мы наширились и забалдели. То есть это *у нас* был нормальный приход, а вот Джоэнис засверкал, как тысячеваттная лампочка. И хоть я предупредил его о фараонах, которые бродят по улицам и аллеям Сан-Франциско, ища, кого бы упрятать в свои новенькие расчудесные тюрьмы, Джоэнису было море по колено. Забрался он на кровать и стал толкать речь. Речь получилась потрясная, потому что этот жизнерадостный улыбчивый парень из далёкого захолустья действительно расстрогался до глубины души. И сказал он так:

– Друзья мои, я пришел к вам из земли палым и песка в надежде сделать славные открытия. Я считаю себя счастливей всех смертных, ибо в первый же вечер был представлен вашему кумиру, Королю Мескалину, и возвышен им, а не унижен. Мне явились чудеса этого мира, которые сейчас розовеют перед моими глазами и низвергаются радужным водопадом. Своего дорогого друга Лама я могу лишь бесконечно благодарить за это блаженство. Моей новой возлюбленной, сладчайшей Дейдрой Фейнштейн, я позволю себе сказать, что вижу разгорающееся внутри меня великое пламя и чувствую сотрясающую меня бурю. Подружке Лама, чье имя я, к сожалению, не разобрал, спешу поведать, что люблю её любовью брата, страстной и в то же время невинной, как новорожденный младенец. И наконец...

Надо сказать, что голос у Джоэниса был неслабый, то есть он ревел как морской лев в брачный период, а такой звук никто из вас не упустит послушать. Но это было немножко чересчур для моей хаты, потому как соседи сверху – старпёры, которые встают в восемь утра, чтобы заниматься всякой ерундой, – принялись стучать в потолок и объявили, что эта вечеринка уже перебор и что они вызвали полицию, то есть фараонов.

Джоэнис и девочки были в отрубе, однако я всегда сохраняю ясную голову на случай опасности, что бы ни клубилось в лёгких и ни струилось в венах. Я хотел спустить оставшийся мескалин в туалет, но Дейдрра, которая без ума от этого зелья, настолько, что это даже пугает, потребовала спрятать зёрнышки в самом интимном месте её тела, где, по её словам, они будут в полной безопасности. Я поволок их всех на улицу, причём Джоэнис не пожелал расстаться с моей гитарой, которую он сжимал в своём загорелом кулаке, и мы вывалились как раз вовремя, потому как тут подкатил фургон, полный фараонов. Я настропалил свою команду идти прямо, как солдатики, потому что лучше не шутить, если при тебе шмаль. Правда, я не учёл, насколько далеко зашла Дейрдра.

Мы зашагали вперёд, а фараоны двинулись рядом и стали смотреть на нас, как только фараоны могут смотреть, и ещё начали бросать нам замечания насчет битников, аморального поведения и всего такого. Я старался, чтобы мы топали как ни в чём не бывало, но с Дейдрой было не совладать. Она повернулась к фараонам и выложила всё, что о них думала. Это очень неразумно, если у вас такое богатое воображение и такой лексикон, как у Дейдры.

Их старший, сержант, сказал:

– Ладно, сестрица, пошли-ка с нами. Мы тебя забираем, усекла?

И они поволокли отбрыкивающуюся Дейдрру к своему фургону. Я заметил, что лицо Джоэниса принимает задумчивое, фараононенавистническое выражение, и понял, что беды не миновать, потому что он, по уши в мескалине, очень уж сильно возлюбил Дейдрру и вообще всех на свете, кроме фараонов.

Я сказал ему:

– Парень, ты не вздумай что-нибудь выкинуть. Нашему веселью пришёл конец, а Дейрдру не привыкать. Я имею в виду, она вечно не в ладах с фараонами, с тех пор как приехала сюда из Нью-Йорка изучать дзен. Дейрдру забирают всё время, и ей это совершенно по нулям, потому что её отец – Шон Фейнштейн, который владеет всем, что ты успеешь перечислить за пять секунд. Она очухается и выйдет. Так что и пальцем не шевели, даже не оглядываясь, потому что твой отец – не Шон Фейнштейн и вообще не кто-нибудь, о ком я слышал.

Вот так я пытался успокоить и урезонить Джоэниса. Но он встал как вкопанный – эдакая героическая фигура, весь в свете уличного фонаря, кулак сжимает мою гитару, а в глазах – выражение всезнания и всепрощения, то есть прощения всех, кроме фараонов. И повернулся к полицейским.

– Чего тебе надо, малыш? – поинтересовался сержант.

– Уберите руки от этой юной леди! – потребовал Джоэнис.

– Эта наркоманка, которую ты называешь юной леди, нарушила статью четыреста тридцать один точка три Уголовного кодекса города Сан-Франциско, – пояснил полицейский. – Так что не суй нос не в своё дело, приятель, и не вздумай брэнчать на этой укулеле после двенадцати ночи.

Я хочу сказать, что на свой лад этот сержант вёл себя совсем неплохо.

Но здесь Джоэнис толкнул речь, то есть не речь, а конфетку. К сожалению, я сейчас не припомню дословно, однако смысл её сводился к тому, что законы создаются людьми и, следовательно, должны учитывать дурную натуру человека, и что подлинная мораль заключается в следовании истинным требованиям просвещенной души.

– Значит, коммуняка, так? – уточнил сержант. И в мгновение ока, а то и быстрее, они затащили Джоэниса в фургон.

Само собой, Дейрдру на следующее утро выпустили – может, из-за отца, а может, и из-за её неотразимого поведения, известного всему Сан-Франциско. А вот Джоэнис, хоть мы и перерыли всю округу вплоть до Беркли, как в воду канул.

Говорю вам, как в воду канул! Что случилось с этим светловолосым, обожжённым солнцем трубадуром с сердцем большим, как мир? Куда он пропал с моей гитарой (настоящей «Висенте Татай») и с моей почти самой лучшей обувкой? Полагаю, одни фараоны знают, а они-то уж не скажут. Но я навсегда запомнил Джоэниса, который, как Орфей у врат ада, вернулся на поиски Эвридики и тем самым разделил судьбу златоголосого певца. То есть, конечно, это не совсем так, и всё же похоже. И кто знает, в каких дальних краях странствует сейчас Джоэнис с моей гитарой?

3. Сенатская комиссия

(Рассказано Ма'аоа с Самоа)

Джоэнис никак не мог знать, что в то время в Сан-Франциско проводила расследование Сенатская Комиссия Американского Конгресса. Но полиции это было известно. Интуитивно почувствовав в Джоэнисе потенциального свидетеля для этого расследования, полицейские привели его из тюрьмы в зал заседаний Комиссии.

Председатель Комиссии, сенатор Джордж У. Пелоп, сразу спросил у Джоэниса, что тот может сказать о себе.

– Я ничего не сделал, – выпалил Джоэнис.

– Ага, – отреагировал Пелоп, – но разве вас *обвинили* в чём-то, что вы сделали? Может быть, обвинил я? Или кто-нибудь из моих славных коллег? Если так, то я хотел бы немедленно об этом услышать.

– Нет, сэр, – молвил Джоэнис. – Я просто подумал...

– Мысли не принимаются в качестве свидетельства, – заявил Пелоп.

Затем он поскрёб лысину, поправил очки и торжественно повернулся к телевизионной камере.

– Этот человек, по его собственному признанию, – сказал Пелоп, – не был обвинен ни в каком преступлении, совершённом злонамеренно или же по заблуждению. Мы всего лишь предложили ему говорить, согласно привилегии и обязанности Конгресса. И все же каждое его слово выдаёт сознание вины. Я считаю, джентльмены, мы должны расследовать это дело.

– Я желаю видеть адвоката, – сказал Джоэнис.

– Вам не полагается адвокат, так как это не судебный процесс, а слушание Комиссии Конгресса, только устанавливающей факты. Но мы обратим самое пристальное внимание на ваше требование. Могу я поинтересоваться, зачем предположительно невиновному человеку требуется адвокат?

Джоэнис, прочитавший немало книг на Манитуатуа, пробормотал что-то о законности и своих правах. Пелоп ответил ему, что Конгресс является гарантом его прав, так же как создателем законов. Следовательно, Джоэнису нечего бояться, если он будет отвечать правдиво. Джоэнис принял это близко к сердцу и дал обещание говорить правду.

– Благодарю вас, – кивнул Пелоп. – Хотя обычно мне не приходится *просить*, чтобы отвечали правду. Впрочем, возможно, это не имеет значения. Скажите, господин Джоэнис, вы действительно верите во все то, о чём упомянули в своей речи прошлым вечером на улице Сан-Франциско?

– Я не помню никакой речи, – ответил Джоэнис.

– Вы отказываетесь отвечать на этот вопрос?

– Я не могу ответить на него. Я не помню. Полагаю, на меня влиял алкоголь.

– Помните ли вы, с кем были прошлой ночью?

– Кажется, с одним человеком по имени Лам и ещё с девушкой по имени Дейдра...

– Нам не нужны их имена, – торопливо перебил Пелоп. – Мы всего лишь спросили вас, не помните ли, с кем вы были. Вы ответили, что помните. Должен сказать, господин Джоэнис, что у вас весьма удобная память, которая фиксирует одни факты и отвергает другие, имевшие место в течение одного отрезка времени.

– То не факты, – возразил Джоэнис. – То люди.

– Комиссия не просит вас шутить, – сурово отчеканил Пелоп. – Официально предупреждаю вас, что шуточные, уклончивые, безответственные и вводящие в заблуждение ответы, а также молчание, будут рассматриваться как неуважение к Конгрессу, что является нарушением федеральных законов и влечёт за собой тюремное заключение сроком до одного года.

– Я не хотел сказать ничего такого, – поспешно заверил Джоэнис.

– Очень хорошо, господин Джоэнис, продолжим. Вы отрицаете, что прошлой ночью произносили речь?

– Нет, сэр, не отрицаю.

– В таком случае, не отрицаете ли вы, господин Джоэнис, что суть вашей речи касалась так называемого права каждого человека низвергать государственные законы? Или, другими словами, отрицаете ли вы, что подстрекали к бунту тех инакомыслящих, кого могли сбить ваши состряпанные за границей воззвания? Или, чтобы вам стало абсолютно ясно, что вы пропагандировали насильственное свержение правительства, опирающегося на *свои* законы? Можете ли вы оспаривать тот факт, что содержание и смысл вашей речи сводились к нарушению тех свобод, которые дали нам наши Отцы-Основатели и которые вообще позволяют вам говорить, каковой возможности вы, безусловно, *не имели бы* в Советской России? Смее ли вы утверждать, что эта речь, замаскированная пустыми словечками из жаргона богемы, не является частью обширного плана, направленного на подрыв изнутри и прокладывание пути для внешней агрессии, в каковой цели вы пользуетесь молчаливым одобрением, если не явной поддержкой определенных лиц в нашем государственном департаменте? И что, наконец, эта речь, замаскированная под состояние опьянения, была произнесена при полном сознании вашего так называемого права на подрывные действия, в условиях демократии, где возможности возмездия, по вашему мнению, ограничены Конституцией и Биллем о правах, которые существуют не для помощи стоящим вне закона элементам, как вам думается, а, напротив, для охраны свобод народа от таких наёмников, как вы? Так это или не так, господин Джоэнис? Я прошу дать простой и однозначный ответ.

– Мне бы хотелось прояснить...

– Пожалуйста, отвечайте на вопрос, господин Джоэнис, – ледяным тоном отрезал Пелоп. – Да или нет?

Джоэнис лихорадочно соображал, вспоминая всё, что читал на родном острове об американской истории.

– Ваши утверждения чудовищны! – наконец воскликнул он.

– Мы ждём ответа, господин Джоэнис! – провозгласил Пелоп.

– Я настаиваю на своих конституционных правах, а именно на Первой и Пятой поправках, – сказал Джоэнис, – и, со всем уважением к вам, отказываюсь отвечать.

Пелоп зловеще улыбнулся.

– Этот номер у вас не пройдет, господин Джоэнис, поскольку Конституция, за которую вы *сейчас* так цепляетесь, была пересмотрена или, точнее, обновлена теми из нас, кто дорожит её неизменностью и оберегает её от выхолащивания. Упомянутые вами поправки, господин Джоэнис, – или, может быть, мне следует называть вас товарищем Джоэнисом? – не позволяют вам хранить молчание по причинам, которые с радостью объяснил бы любой член Верховного Суда, – *если бы вы удосужились спросить его!*

Эта сокрушительная речь в корне подавила любое возражение. Даже издававшие виды репортеры, присутствующие в зале, были поражены до глубины души. Лицо Джоэниса стало красным, как свёкла, а затем лилейно-белым. Поставленный в безвыходное положение, он всё же раскрыл рот, чтобы отвечать, но был спасён вмешательством одного из членов Комиссии, сенатора Зарешёткинга.

– Прошу прощения, сэр, – обратился сенатор Зарешёткинг к Пелопу, – прошу прощения также у всех, кто ждёт ответа на вопрос. Я хочу лишь кое-что сказать и требую, чтобы мои слова занесли в протокол, потому что иногда человек должен говорить прямо, несмотря на то, что это может причинить ему боль и даже нанести политический и материальный ущерб. И все же такой человек, как я, обязан высказаться, когда долг велит ему высказаться, невзирая на последствия и полностью сознавая, что это может противоречить общественному мнению.

Таким образом, я желаю сказать следующее: я – старый человек и многое повидал на своём веку. Мой долг заявить, что я – смертельный враг несправедливости. В отличие от некоторых, я не могу мириться с резней в Венгрии, с незаконным захватом Китая и коммунизацией Кубы. Я стар, меня называют консерватором, но мириться с этими вещами я не могу. И как бы меня кое-кто ни называл, я надеюсь, что не доживу до того дня, когда русская армия займет город Вашингтон, округ Колумбия. Таким образом, я выступаю против этого человека, этого товарища Джонски, но не как сенатор, а скорее как тот, кто ребёнком резвился в холмистой местности к югу от Соур-Маунтин, кто ловил рыбу и охотился в глухих лесах, кто постепенно вырос и наконец постиг, что значит для него Америка, кто осознал, что соседи послали его в Конгресс для того, чтобы он представлял там их и их близких, и кто теперь считает своим долгом сделать настоящее заявление. Именно по этой и только по этой причине я обращаюсь к вам со словами из Библии: «Зло есть грех!» Некоторые умники среди нас, возможно, посмеются, но так уж оно есть, и я глубоко в это верую.

Члены Комиссии разразились бурными аплодисментами. Хотя они много раз слышали речь старого сенатора, она неизменно будила в них самые высокие и благородные чувства. Председатель Пелоп, сжав губы, повернулся к Джоэнису.

– Товарищ, – спросил он с лёгкой иронией, – являетесь ли вы в настоящее время членом коммунистической партии и имеете ли членский билет?

– Нет! – воскликнул Джоэнис.

– В таком случае назовите ваших сообщников в то время, когда вы являлись членом коммунистической партии.

– У меня не было никаких сообщников. Я имею в виду...

– Мы отлично понимаем, что вы имеете в виду, – перебил Пелоп. – Так как вы решили не называть своих сотоварищей-предателей, не признаетесь ли вы нам, где находилась ваша ячейка? Нет? Тогда скажите мне, товарищ Джонски, не говорит ли вам что-нибудь имя Рональд Блэк? Или, проще выражаясь, когда вы в последний раз встречались с Рональдом Блэком?

– Я никогда с ним не встречался, – ответил Джоэнис.

– Никогда? Это очень смелое заявление, господин Джоэнис. Вы пытаетесь заверить меня, что ни при каких обстоятельствах ни разу не встречались с Рональдом Блэком? Не сталкивались с ним самым *невинным* образом в толпе, не сидели в одном кинотеатре? Сомневаюсь, что кто-нибудь в Америке может вот так категорически утверждать, будто бы он никогда не встречался с Рональдом Блэком. Желаете ли вы, чтобы ваше заявление было занесено в протокол?

– Ну, знаете, возможно, я встречался с ним в толпе, то есть я хочу сказать, что я мог оказаться в одной толпе с ним; я не утверждаю наверняка...

– Однако вы допускаете такую возможность?

– Пожалуй, да...

– Прекрасно, – одобрил Пелоп. – Наконец-то мы добираемся до сути. Причём я прошу вас ответить, в какой именно толпе вы встречались с Блэком, что он вам сказал, что вы сказали ему, какие документы он вам передал и кому вы отдали эти документы...

– Я никогда не встречался с Арнольдом Блэком! – вскричал Джоэнис.

– Нам он был известен как *Рональд* Блэк, – сказал Пелоп. – Но мы, безусловно, заинтересованы в выяснении его псевдонимов. Заметьте, пожалуйста, что вы сами признали возможность связи с ним, а ввиду вашей установленной партийной деятельности, эта возможность перерастает в вероятность столь значительную, что может рассматриваться как факт. Более того, вы сами выдали нам имя, под которым Рональд Блэк известен в партии, – имя, которого мы до сих пор не знали. Полагаю, этого достаточно.

– Послушайте, – взмолился Джоэнис. – Я не знаю ни этого Блэка, ни того, что он сделал.

– Рональд Блэк был обвинён в хищении чертежей новой малогабаритной двенадцатицилиндровой модели «Студебеккера» повышенной комфортности и в продаже этих чертежей

советскому агенту, – сухим голосом констатировал Пелоп. – После объективного суда, в соответствии с законом, приговор был приведен в исполнение. Позже был разоблачен, осужден и казнен тридцать один его соучастник. Вы, товарищ Джонски, станете теперь тридцать вторым членом самой крупной шпионской организации из всех нами раскрытых.

Джоэнис попытался что-то сказать, но обнаружил, что трясётся от страха и не может выдать ни слова.

– Данная Комиссия, – подытожил Пелоп, – наделена особыми полномочиями, поскольку она устанавливает факты, а не карает. Как ни обидно, нам приходится следовать букве закона. Поэтому мы передаем секретного агента Джонски в ведомство Генерального прокурора, с тем чтобы он предстал перед справедливым судом и понес наказание, которое соответствующие органы правительства сочтут нужным наложить на изменника, заслуживающего только смерти. Заседание объявляется закрытым.

Таким образом, Джоэниса быстро перевели в карательный орган правительства и передали в руки Генерального прокурора.

4. Как восторжествовала справедливость

(Рассказано Пелуи с острова Пасхи)

Генеральный прокурор, к которому попал Джоэнис, был высоким человеком с орлиным носом, узкими глазками и бескровными губами. Вообще, его лицо казалось выкованным из чугуна. Сутулый и молчаливо презрительный, величественный в своей чёрной бархатной мантии с гофрированным воротничком, Генеральный прокурор являлся живым воплощением своего ужасного ведомства. Поскольку он был слугой карательного органа правительства, его долг заключался в том, чтобы никто из попавших к нему в руки не ушел от возмездия, и Генеральный прокурор добивался этого всеми доступными средствами.

Резиденция Генерального прокурора находилась в Вашингтоне, но сам он происходил из города Афины, штата Нью-Йорк, и в годы молодости водил знакомство с Аристотелем и Алкивиадом, чьи произведения считаются высшим достижением американского гения.

Когда-то Афины были одним из городов Древней Эллады, откуда возникла американская цивилизация. Рядом с Афинами находилась Спарта – милитаристское государство, главенствующее над городами Лакедемона в северной части штата Нью-Йорк. Ионические Афины и дорическая Спарта вели между собой смертельную войну и утратили независимость, перейдя под власть Америки. Но они до сих пор сохранили большой вес в американской политике, особенно с тех пор, как Вашингтон стал средоточием Эллинского могущества.

Пока всё выглядело достаточно просто. У Джоэниса не было влиятельных друзей или политических соратников, и казалось, кара постигнет его без вреда для карающего. Соответственно, Генеральный прокурор организовал Джоэнису всяческую возможную юридическую помощь с тем, чтобы его дело слушалось в знаменитой Звёздной палате. Таким образом, буква закона будет выполнена наряду с приятной уверенностью в вердикте присяжных. Ибо педантичные судьи Звёздной палаты, бесконечно преданные идее искоренения зла в любом его проявлении, никогда за всю свою историю не выносили другого решения, кроме решения о виновности.

После оглашения приговора Генеральный прокурор намеревался принести Джоэниса в жертву на Электрическом Стуле в Дельфах, тем самым снискав благосклонность богов и людей.

Таков был его план. Однако в ходе расследования выяснилось, что отец Джоэниса был дорийцем из Механиксвилла, штат Нью-Йорк, да к тому же ещё был членом муниципального совета. А мать Джоэниса была ионийкой из Майами – афинской колонии в глубинах Территории Варваров. Поэтому определённые влиятельные эллины потребовали прощения оступившего отпрыска уважаемых родителей во имя эллинского единства – немаловажной силы в американской политике.

Генеральный прокурор, сам уроженец Афин, счёл за лучшее удовлетворить эту просьбу. Поэтому он распустил Звёздную палату и послал Джоэниса к Великому Оракулу в Топсайдере, что встретило всеобщее одобрение, ибо Оракул Топсайдера, так же как Оракулы Дженмотора и Дженэлектрика, славился объективностью суждений о людях и их делах. Оракулы вообще так вершили правосудие, что заменили многие суды страны.

Джоэниса привезли в Топсайдер, и вскоре с дрожью в коленках он предстал перед Оракулом. Оракул был огромной вычислительной машиной весьма сложного устройства, с пультом управления, или алтарём, которому прислуживало множество жрецов. Все жрецы были кастрированы, дабы они не имели других помыслов, кроме заботы о машине. Верховный жрец был к тому же ещё и ослеплён, чтобы он мог видеть грешников лишь глазами Оракула.

Когда вошел Верховный Жрец, Джоэнис пал перед ним на колени. Но жрец поднял его и сказал:

– Не страшись, сын мой. Смерть ожидает всех людей, и нескончаемые муки присущи их эфемерной жизни. Скажи мне, есть ли у тебя деньги?

– Восемь долларов и тридцать центов, – ответил Джоэнис. – Почему вы об этом спрашиваете, отец?

– Потому, – молвил жрец, – что среди просителей существует обычай добровольно жертвовать деньги Оракулу. Если у тебя нет денежных средств, равно принимаются недвижимость, облигации, акции, закладные и любые другие бумаги, которые считаются ценными в бренном мире.

– У меня нет ничего подобного, – печально ответил Джоэнис.

– А разве у тебя нет земель в Полинезии? – спросил жрец.

– Нет, – сказал Джоэнис. – Мои родители получили землю от правительства, и к нему она должна вернуться. Не владею я и никаким другим имуществом, ибо этим вещам в Полинезии не придают значения.

– Значит, у тебя ничего нет? – разочарованно спросил жрец.

– Ничего, кроме восьми долларов и тридцати центов, – сказал Джоэнис, – да гитары, которая принадлежит вовсе не мне, а человеку по имени Лам из далекой Калифорнии. Но, отец, неужели это действительно необходимо?

– Разумеется, нет. Однако и кибернетикам надо на что-то жить, и щедрый дар от просителя рассматривается как благое деяние, особенно когда приходит пора толковать слова Оракула. Некоторые также полагают, что бедный человек попросту мало трудился, раз не накопил денег для Оракула на случай судебного дня, и, следовательно, недостаточно благочестив. Впрочем, сейчас мы представим твое дело и испросим решение.

Жрец взял заявление Генерального прокурора и защитную речь адвоката Джоэниса и перевел их на тайный язык, каким Оракул общался с людьми. Вскоре пришел ответ.

Вот суждение Оракула:

«ВОЗВЕДИТЕ ЭТО В ДЕСЯТУЮ СТЕПЕНЬ И ВЫЧТИТЕ
КВАДРАТНЫЙ КОРЕНЬ ИЗ МИНУС ЕДИНИЦЫ.

НЕ ЗАБУДЬТЕ КОСИНУС, ИБО ЛЮДЯМ ДОЛЖНО ВЕСЕЛИТЬСЯ.

ДОБАВЬТЕ «Х» КАК ПЕРЕМЕННУЮ, СВОБОДНО ВЗВЕШЕННУЮ,
НЕВЛЮБЛЕННУЮ.

ВСЕ ПРИДЁТ К НУЛЮ, И Я ВАМ БОЛЬШЕ НЕ НУЖЕН».

Получив это решение, жрецы собрались вместе на толкование слов Оракула. И вот что они сообщили:

ВОЗВЕСТИ – значит исправить зло.

ДЕСЯТАЯ СТЕПЕНЬ – есть условия содержания и срок, в течение которого проситель должен работать на каторге, чтобы исправить зло, а именно: десять лет.

КВАДРАТНЫЙ КОРЕНЬ ИЗ МИНУС ЕДИНИЦЫ – будучи мнимым числом, представляет воображаемое состояние благоденствия; также обозначает возможность обогащения и прославления просителя. В связи с этим предыдущий приговор объявляется условным.

«Х» ПЕРЕМЕННАЯ – представляет воплощение земных фурий, среди которых будет обитать проситель и которые покажут ему невозможные ужасы.

КОСИНУС – знак самой богини, оберегающей просителя от некоторых ужасов, уготованных фуриями; он обещает ему определенные земные радости.

ВСЕ ПРИДЁТ К НУЛЮ – значит, что в данном случае соблюдается равенство между святым правосудием и человеческой нуждой.

Я ВАМ БОЛЬШЕ НЕ НУЖЕН – означает, что в дальнейшем проситель не должен обращаться к этому или какому-либо другому Оракулу, поскольку решение окончательное и обжалованию не подлежит.

Таким образом, Джоэниса приговорили к десяти годам условно. И Генеральный прокурор вынужден был исполнить решение Оракула и освободить Джоэниса.

Оказавшись на свободе, Джоэнис продолжил путешествие по земле Америки. Он торопливо покинул Топсайдер и добрался на поезде до великого города Нью-Йорка. О том, что делал он там и что с ним приключилось, пойдёт рассказ в следующей истории.

5. История Джоэниса, Вчёмда и полицейского

(Рассказано Ма'аоа с Самоа)

Никогда не видел Джоэнис ничего подобного великому городу Нью-Йорку. Бесконечные толкотня и спешка такого множества людей были ему незнакомы, они поражали воображение. Лихорадочная жизнь города не утихла и с наступлением вечера. Джоэнис наблюдал за ньюйоркцами, спешащими в погоне за развлечениями в ночные клубы и варьете. Город не испытывал недостатка и в культуре, ибо огромное число людей отдавало своё время утраченному ныне искусству движущихся картинок.

К ночи суматоха стихла. Джоэнис увидел множество стариков и молодых людей, неподвижно сидящих на скамейках или стоящих у входа в метро. Их лица были ужасающе пусты, а когда Джоэнис обращался к ним, то не мог разобрать их вялых, невнятных ответов. Эти нетипичные ньюйоркцы вызывали у него беспокойство, и он был рад, когда наступило утро.

С первыми лучами солнца возобновилось бурление толпы. Люди толкали друг друга, в судорожной спешке стараясь куда-то попасть и что-то сделать. Джоэнис решил узнать причину всего этого. Он выбрал в толпе одного прохожего и остановил его.

– Сэр, – обратился к нему Джоэнис, – не могли бы вы уделить минуту вашего ценного времени и рассказать страннику о великой и целенаправленной деятельности, которую я наблюдаю вокруг?

– Вчёмдело? Ты что, псих? – буркнул прохожий и заторопился прочь.

Но следующий, кого остановил Джоэнис, тщательно обдумал свой ответ и произнес:

– Вы называете это деятельностью?

– Так мне кажется, – ответил Джоэнис, глядя на бурлящую толпу. – Между прочим, меня зовут Джоэнис.

– А меня – Вчёмд, – сказал прохожий. – Это как «Вчёмдело?», только короче. В ответ на ваш вопрос я скажу вам: то, что вы видите, – не деятельность. Это паника.

– Чем же вызвана такая паника? – поинтересовался Джоэнис.

– В двух словах объяснить можно так, – сказал Вчёмд, – люди боятся, что если они прекратят суетиться, то кто-нибудь предположит, что они мертвы. Это очень скверно, если вас сочтут мертвым, потому что тогда вас могут выкинуть с работы, закрыть ваш текущий счет, повысить квартплату и отнести в могилу, как бы вы ни отбрыкивались.

Джоэнису ответ показался неправдоподобным, и он сказал:

– Господин Вчёмд, эти люди не похожи на мертвых. Ведь на самом деле, без преувеличений, они *не* мертвы, правда?

– Я никогда не говорю без преувеличений, – сообщил ему Вчёмд. – Но так как вы приезжий, постараюсь объяснить проще. Начнём с того, что смерть есть понятие относительное. Некогда определение её было примитивным: ты мёртв, если не двигаешься в течение длительного времени. Современные ученые внимательно изучили это устаревшее понятие и добились больших успехов. Они обнаружили, что можно быть мёртвым во всех важных отношениях, но все же передвигаться и разговаривать.

– Что же это за «важные отношения»? – спросил Джоэнис.

– Во-первых, – сказал Вчёмд, – ходячие мертвецы характеризуются почти полным отсутствием чувств. Они могут испытывать лишь страх и злобу, хотя иногда симулируют другие эмоции, подобно тому как шимпанзе неумело притворяется читающим книгу. Далее. Во всех их действиях сквозит какая-то роботообразность, которая сопутствует прекращению высших мыслительных процессов. Часто наблюдается рефлексивная склонность к набожности, что напоминает спазматическое дёрганье цыпленка, которому только что отрубили голову. Из-за

этого рефлекса многие ходячие мертвецы бродят вокруг церквей, а некоторые даже пытаются молиться. Других можно встретить на скамейках, в парках или возле выхода метро...

– А-а, – перебил Джоэнис, – гуляя вчера поздно вечером по городу, я видел таких людей.

– Совершенно верно, – подтвердил Вчёмд. – Это те, кто уже не притворяется живыми. Зато остальные копируют живых с умиленным старанием, в надежде остаться незамеченными. Но они частенько перебарщивают, и их легко определить либо по слишком оживленному разговору, либо по чересчур громкому смеху.

– Понятия не имел, – признался Джоэнис.

– Это прискорбная проблема, – продолжал Вчёмд. – Хотя власти из всех сил стремятся ее решить, она чудовищно разрослась. Я хотел бы поведать вам и о других чертах ходячих мертвецов, а также о том, как они напоминают старых добрых неходячих мертвецов, ибо уверен, что это вам будет интересно. Впрочем, к нам приближается полицейский, и, стало быть, мне лучше откланяться.

С этими словами Вчёмд пустился бегом и исчез в толпе. Полицейский погнался было за ним, но вскоре бросил эту затею и вернулся к Джоэнису.

– Проклятье! – пожаловался он. – Опять я его упустил.

– Он преступник? – удивился Джоэнис.

– Самый ловкий вор в наших краях, специалист по краже драгоценностей, – сказал полицейский, вытирая пот с широкого красного лба. – Обожает притворяться битником.

– Со мной он разговаривал о ходячих мертвецах, – заметил Джоэнис.

– Он вечно что-нибудь выдумывает, – посетовал полицейский. – Патологический лжец, вот кто он такой; причём сумасшедший. И чрезвычайно опасный. Особенно опасный, потому что никогда не носит оружия. Я трижды чуть не поймал его. Приказываю ему остановиться именем закона, точно по инструкции, а когда он не повинует, стреляю. Пока я убил восьмерых зевак. Если и дальше так будет продолжаться, сержанта мне не видать. Кроме того, за патроны заставляют платить из собственного кармана.

– Но если этот Вчёмд не вооружён... – начал Джоэнис и тут же осекся. Лицо полицейского приобрело злое выражение, и рука его опустилась на рукоятку револьвера. – То есть я хотел бы узнать, – спохватился Джоэнис, – есть ли правда в том, что рассказывал мне Вчёмд о ходячих мертвецах?

– Нет, это все его битниковская болтовня для одурачивания людей. Разве я не говорил, что он ворует драгоценности?

– Простите, забыл, – произнес Джоэнис.

– Так не забывайте. Я самый обыкновенный человек, но такие, как Вчёмд, действуют мне на нервы. Я исполняю обязанности строго по инструкции, а по вечерам прихожу домой и смотрю телевизор, каждый вечер, кроме пятницы, когда я иду в боулинг. Ну что, похоже это на поведение робота?

– Разумеется, нет! – заверил Джоэнис.

– Этот парень, – продолжал полицейский, – твердит, что люди лишены чувств. Так я вам скажу: хоть я, может, и не психолог, но я точно знаю, что у меня чувства есть. Когда я сжимаю в руке револьвер, мне хорошо. Похоже, что у меня нет никаких чувств? Больше того, я вам ещё кое-что скажу: я вырос в неблагополучном районе и юнцом был в банде. Мы все имели самострелы и складные ножи и развлекались убийствами, грабежами и изнасилованиями. Разве похоже, что у нас не было чувств? Так бы я, наверное, и пошел по дурной дорожке, не повстречайся мне тот священник. Он не хвалился, не задавался, он был словно один из нас, потому что знал, что только так его слова смогут достичь наших дикарских душ. Вместе с нами он совершал налёты, и я не раз видел, как он потрошит кого-то своим маленьким пружинным ножиком, с которым никогда не расставался. В общем, он был нормальным парнем, и мы при-

няли его в свою компанию. А еще он был священником, и я, видя, что он свой в доску, позволял ему разговаривать со мной. Он-то мне и растолковал, что я впустую гроблю свою жизнь.

– Должно быть, воистину замечательный человек, – заметил Джоэнис.

– Он был святым, – задумчиво произнес полицейский печальным голосом. – Он был настоящим святым, потому что делал все наравне с нами, но внутри оставался очень хорошим человеком и всегда уговаривал нас сойти с преступного пути. – Полицейский посмотрел Джоэнису прямо в глаза и добавил: – Именно благодаря ему я и пошёл в полицию. Это я-то! Все думали, что я кончу на электрическом стуле. А у Вчёмда хватает наглости болтать о ходячих мертвецах! Я стал фараоном, я стал хорошим фараоном, а не каким-нибудь паршивым подонком, вроде Вчёмда. Выполняя свой долг, я убил восемь преступников и получил три почётных знака. А ещё я случайно убил двадцать семь ни в чём не повинных граждан, которые не успели убраться с дороги. Мне жаль этих людей, но главное для меня – работа. Я не могу позволить кому-то путаться под ногами, когда от меня уходит преступник. И что бы там ни плели газеты, я в жизни не брал взятку, даже за стоянку в неположенном месте. – Рука полицейского судорожно сжала револьвер. – Я самого Иисуса Христа оштрафую, оставь он машину в неположенном месте, и все святые не смогут меня подкупить. Что вы об этом думаете?

– Я думаю, что вы самоотверженный человек, – осторожно ответил Джоэнис.

– И правильно. У меня красивая жена и трое чудесных детишек. Я обучил их стрелять из револьвера. Я для своей семьи ничего не пожалею. А Вчёмд воображает, будто он знает что-то о чувствах! Господи, эти сладкоречивые ублюдки так мне действуют на нервы, что я порой теряю голову. Хорошо ещё, что я набожный человек.

– Безусловно, хорошо, – согласился Джоэнис.

– Я до сих пор каждую неделю навещаю священника, который вытащил меня из банды. Он по-прежнему работает с подростками, такой он самоотверженный. Годы его не те, чтобы пользоваться ножом, поэтому теперь ему частенько приходится орудовать самострелом или велосипедной цепью. Этот человек сделал для законности больше, чем все городские центры по перевоспитанию. Порой и я помогаю ему. На двоих, мы направили на путь истинный четырнадцать подростков, о которых вы бы сказали, что они безнадёжные преступники. Многие из них стали уважаемыми бизнесменами, а шестеро служат в полиции. Всякий раз, когда я вижу этого человека, я *чувствую* святость.

– По-моему, это чудесно, – заметил Джоэнис и начал потихоньку пятиться, потому что полицейский вытащил револьвер и начал им нервно поигрывать.

– Нет такого зла в нашей стране, которое нельзя было бы исправить доброй волей и прямыми действиями, – сказал полицейский, и подбородок его начал дергаться. – В конечном счете добро всегда торжествует и будет торжествовать, пока ему помогают добросердечные люди. В полицейской дубинке правопорядка больше, чем во всех заплесневелых кодексах, вместе взятых! Мы их ловим, а судьи их отпускают, как вам это нравится?! Хорошенькое дело, нечего сказать! Но мы, полицейские, привыкли к этому и считаем, что одна сломанная рука стоит года в каталажке, и поэтому часто сами вершим правосудие.

Сжимая одной рукой дубинку, а другой – револьвер и пристально глядя на Джоэниса, полицейский надвигался на него, излучая необузданное стремление насаждать закон и порядок. Джоэнис застыл на месте. Ему оставалось лишь надеяться, что полицейский не убьет его и не переломает ему кости.

Назревал критический момент. В последнюю секунду Джоэниса спас какой-то разморенный жарой горожанин, который сошел с тротуара до того, как загорелся зелёный сигнал светофора.

Полицейский резко повернулся, сделал два предупредительных выстрела и бросился к нарушителю. Джоэнис быстро зашагал в противоположном направлении и продолжал идти, пока не вышел за пределы города.

6. Джоэнис и три водителя грузовика

(Эта история и включенные в неё истории водителей грузовиков рассказаны Телеу с Хуахине)

Джоэнис шагал вдоль шоссе на север, когда рядом с ним затормозил грузовик. В кабине сидели трое мужчин. Они сказали, что охотно его подбросят, насколько это будет им по пути.

Джоэнис с радостью забрался в машину, выразив водителям благодарность. Те заверили, что берут его с удовольствием, так как вести грузовик – одинокое занятие, даже если в кабине три человека, и им нравится беседовать с различными людьми и выслушивать их рассказы. Именно поэтому они попросили Джоэниса поведать им, что приключилось с того момента, как он уехал из дома.

Джоэнис рассказал этим людям, что, будучи родом с далекого острова, он приплыл в город Сан-Франциско, где был арестован и допрошен Сенатской Комиссией. Затем он предстал перед судом Оракула, получил десять лет условно и отправился в Нью-Йорк, где его чуть не убил полицейский. С тех пор, как он покинул остров, все пошло кувырком, жаловался Джоэнис, и оборачивалось крайне неудачно. Таким образом, он считает себя глубоко несчастным человеком.

– Господин Джоэнис, – проникновенно сказал первый водитель грузовика, – на вашу долю, безусловно, выпало немало злоключений, но несчастнейший из людей – это я, так как я утратил нечто более ценное, чем золото, о чём скорблю каждый день своей жизни.

Джоэнис попросил этого человека поведать свою историю. И вот что рассказал ему первый водитель грузовика.

История ученого водителя грузовика

Мое имя – Адольфус Предполагус, по происхождению я швед. Сызмальства я обожал науку. Я любил науку не ради любви к ней, а потому что я считал, что она – первейший слуга человечества, который освободит человечество от всех жестокостей прошлого и даст ему мир и счастье. Я видел немало злодеяний, совершаемых людьми, но вопреки этому и несмотря на то, что моя собственная страна обогатилась, снабжая оружием воюющие нации, я всё равно верил в великодушные и превосходные качества человечества, верил, что оно освободится от зла посредством науки.

Из-за своего врожденного гуманизма и склонности к наукам я стал врачом и обратился в Комиссию по Здравоохранению при ООН, добиваясь назначения в самое глухое и запущенное место. Тихая практика в сонном шведском городке была не для меня: я жаждал сражаться с болезнями во имя человечества.

Меня послали на побережье Западной Африки, единственным врачом на территорию, превосходящую по площади Европу. Я замещал швейцарца по фамилии Дурр, умершего от укуса рогатой гадюки.

Со всей очевидностью, той местности нужен был хороший доктор, потому что там свирепствовало неисчислимое множество разнообразных заболеваний. Одни были мне известны, так как я изучал их по книгам, другие же явились для меня откровением. Эти последние, как я узнал, распространялись искусственно, в целях нейтрализации Африки. Мне неизвестно, кто принял такое решение, но кое-кому на Западе позарез нужна была именно такая, совершенно нейтральная Африка, неспособная встать на сторону ни Запада, ни Востока. С этой целью и распространялись бактерии, а также некоторые выведенные в лабораторных условиях растения, которые должны были сделать и без того густые джунгли совершенно непроходимыми.

Таким образом африканцев можно было отвлечь от политики, так как все их время уходило на борьбу за выживание.

Эти болезни стёрли с лица земли несколько сот миллионов западных солдат, которые сражались там с партизанами, направляемыми Востоком. Партизаны тоже были стёрты с лица земли. Также погибли многие виды животных, зато некоторые процветали. Крысы, например, и змеи невероятно размножались. Резко возросла численность насекомых, в частности мух и комаров, а из птиц несметно размножились стервятники.

Я никогда не догадывался о таком положении дел, поскольку в условиях демократии на подобные сообщения никто не обращает внимания, а диктатура их попросту запрещает. Тем не менее мне лично пришлось увидеть все эти ужасы в Африке. Кроме того, я узнал, что то же самое творится в тропических районах Азии, Центральной Америки и Индии. Случайно или же по чьему-то умыслу все эти области были полностью нейтрализованы, потому что последние силы их жителей уходили на борьбу за существование.

Как врач, я был опечален разгулом заболеваний, известных и неизвестных. Они вышли из джунглей с помощью и поддержкой человека. Темпы роста всего живого в джунглях были фантастическими, такой же фантастической была и скорость разложения всего отмершего. В этих благоприятных условиях множились и развивались болезнетворные вирусы и бактерии.

Как человека, меня доводило до бешенства такое извращённое применение науки. И все же я в нее верил. Я твердил себе, что дурные и ограниченные люди во все века творили в мире зло, но гуманисты, рука об руку с наукой, исправят содеянное.

Я принялся за работу с большим рвением, и мне помогали добрые люди всего мира. Я побывал у всех племен своего района и обрушился на заболевания всеми имеющимися у меня лекарствами. Успех был потрясающим.

Однако вскоре возбудители болезней стали невосприимчивы к моим средствам, и началась новая эпидемия. Местное население, хотя и сопротивлялось напасти изо всех сил, страдало ужасно.

Я срочно заказал новые лекарства, получил их и остановил эпидемию. Но некоторые бактерии и вирусы все-таки сохранились, и зараза вновь начала распространяться.

Я выписал только что открытые препараты, и мне их прислали. Опять мы сошлись в смертельной схватке, из которой я вышел победителем. И снова часть микроорганизмов выжила, и появились мутации. Я обнаружил, что в соответствующих условиях болезни могут принимать новые, еще более опасные формы куда быстрее, чем человек способен создавать новые лекарства.

И вообще я заметил, что микробы ведут себя точно так же, как люди в критическом положении. Они проявляли поразительную волю к победе. Чем более губительное воздействие на них оказывали, тем быстрее и неистовее они множились, сопротивлялись, изменялись и в конце концов наносили ответный удар. Сходство, по моему мнению, жуткое и противоестественное.

Я чудовищно много работал в то время, по двенадцать, по восемнадцать часов в сутки, пытаясь спасти несчастное, терпеливое, страдающее население. Но зараза преодолела самые последние достижения медицины и свирепствовала с небывалой силой. Я был в отчаянии, ибо оказался беспомощным перед новыми болезнями.

И тут я обнаружил, что микроорганизмы, приспособившиеся к новым лекарствам, потеряли иммунитет к старым. Так, охваченный научной лихорадкой, я вновь стал применять старые средства.

Со времени моего приезда в Африку я справился по меньшей мере с десятью крупными эпидемиями и начал схватку с одиннадцатой. Я уже знал, что бактерии и вирусы отступят перед моей атакой, изменятся, размножатся и вновь нанесут удар, поставив меня перед необ-

ходимостью с теми же результатами бороться с двенадцатой эпидемией, потом с тринадцатой, четырнадцатой и так далее.

Такова была ситуация, в которую меня привело моё научное и гуманистическое рвение. Но я смертельно устал и буквально валился с ног. У меня не было времени думать ни о чем, кроме сиюминутных проблем.

Однако вскоре жители моего района взяли решение проблемы в свои руки. Люди темные и малообразованные, они видели лишь, что с тех пор как появился я, эпидемии бушуют с особой яростью. Они стали считать меня каким-то чрезвычайно злым колдуном, в склянках которого вместо целебных средств заключена квинтэссенция смерти. Эти люди отвернулись от меня и пошли к своим шаманам, которые лечат больных пластырями из глины и талисманами из кости и сваливают каждую смерть на кого-нибудь из невинных соплеменников.

Даже матери спасённых мною детей выступали против меня. Они винили меня в том, что дети всё равно умирают, если не от болезни, то от голода.

Наконец жители деревень собрались меня убить. И непременно бы это сделали, если бы меня не спасли шаманы. Ирония судьбы – ведь я полагал их своими ярыми противниками.

Они объяснили своим соплеменникам, что на моё место придет ещё более злой колдун. Люди испугались и не причинили мне вреда; а шаманы добродушно скалились при встрече со мной, потому что считали меня своим коллегой.

И все же я не отчаялся и не бросил работу с этими племенами; и тогда племена бросили меня. Они перекочевали в глубь материка, в район губительных болот, где почти не было пищи, зато свирепствовали болезни.

Я не мог последовать за ними, потому что болота относились к другому участку, где был свой доктор, тоже швед, который не делал никаких уколов, не давал ни таблеток, ни пилюль, вообще ничего. Вместо этого он каждый день напивался, истребляя собственные запасы спирта. Он прожил в джунглях двадцать лет и утверждал, что поступает наилучшим образом.

Оставшись в одиночестве на своём участке, я пережил нервное потрясение. Меня отозвали в Швецию, и там я стал размышлять о происшедшем.

Мне пришло в голову, что деревенские жители и колдуны, которых я считал неразумными дикарями, вели себя как здравомыслящие люди. Они бежали от моей науки и моего гуманизма, которые ни на йоту не улучшили их положения. Напротив, моя наука доставила им ещё большие страдания и боль, а мой гуманизм безрассудно пытался уничтожить ради них другие создания и тем самым нарушал равновесие сил на земле.

Осознав всё это, я покинул свою страну, покинул Европу и прибыл сюда. Теперь я вожу грузовик. И когда кто-нибудь обращается ко мне с восторженными речами о науке, гуманизме и чудесах исцеления, этот человек кажется мне сумасшедшим.

Вот так я потерял веру в науку, в то, что было для меня дороже золота и что я буду оплакивать до конца своих дней.

В конце этой истории второй водитель грузовика сказал:

– Никто не станет отрицать, что на вашу долю выпало немало злоключений, Джоэнис, но пережитое вами не идет ни в какое сравнение с рассказом моего друга. А невзгоды моего друга никак не сравнятся с моими. Ведь я – самый несчастный среди людей. Я утратил нечто более ценное, чем золото, и более дорогое, чем наука, что буду оплакивать до конца жизни.

Джоэнис обратился к нему с просьбой поведать свою историю. И вот что рассказал второй водитель грузовика.

История честного водителя грузовика

Мое имя – Рамон Дельгадо, а родился я в Мексике. Больше всего я гордился своей честностью. Я был честен, потому что этого требовали законы страны, написанные лучшими из людей. Они вывели их из общепринятых принципов справедливости и укрепили наказаниями, дабы повиновались все, а не только готовые к соблюдению законов добровольно.

Это казалось мне правильным, ибо я любил справедливость и верил в неё, а стало быть, и в законы, выведенные из понятия справедливости, и в наказания, насаждающие законность. Я не только считал, что представления о справедливости и исполнении законов правильны, я также считал, что они необходимы. Ибо только так можно обрести свободу от тирании и чувство собственного достоинства.

Многие годы я трудился в своей деревне, копил деньги и вел честную и правильную жизнь. Однажды мне предложили работу в столице. Я был счастлив, ибо давно мечтал увидеть великий город, откуда исходила справедливость в моей стране.

Я потратил все сбережения на покупку старенького автомобиля и поехал в столицу. Я поставил машину перед магазином моего работодателя на платной стоянке со счетчиком и зашёл внутрь, чтобы разменять деньги и бросить песо в счетчик. А когда вышел, меня арестовали.

Я предстал перед судьей, который обвинил меня в незаконной парковке, мелком воровстве, бродяжничестве, сопротивлении аресту и создании общественных беспорядков.

Судья посчитал меня виновным во всех этих вещах: в незаконной парковке – потому что я не опустил монету в счетчик; в мелком воровстве – потому что я взял песо из кассы моего работодателя; в бродяжничестве – потому что при мне не было ничего, кроме одного песо; в сопротивлении аресту – потому что я поспорил с полицейским; и в создании общественных беспорядков – потому что я плакал, когда меня вели в тюрьму.

Строго говоря, все это было правдой, и я не посчитал несправедливым, когда меня осудили. В сущности, я даже восхищался рвением судьи на службе закону.

Также я не выразил ни малейшего недовольства, когда меня приговорили к десяти годам заключения. Это казалось жестоким, но я-то знал, что закон может быть соблюден лишь посредством применения сурового и бескомпромиссного наказания.

Меня направили в федеральную Каторжную Тюрьму Морелос. Я понимал, что мне пойдет на пользу знакомство с местом, где осуществляется наказание, и усвоение горьких плодов бесчестного поведения.

Прибыв в Каторжную Тюрьму, я обратил внимание на множество людей, прячущихся рядом в лесу. Я не придавал этому особого значения, потому что привратник как раз читал мои бумаги. Он изучил их с большим вниманием, а затем открыл ворота.

К величайшему моему изумлению, как только ворота открылись, эта толпа ринулась вперед и силой проложила себе дорогу в тюрьму. Откуда-то появилось множество охранников, которые попытались оттеснить их. Но, прежде чем привратник сумел закрыть ворота, некоторым удалось проскочить внутрь.

– Разве возможно, – спросил я его, – чтобы эти люди специально хотели попасть в тюрьму?

– Именно так, – ответил привратник.

– Я всегда полагал, что тюрьмы скорее служат цели удержания людей внутри, нежели чем предохранения от попадания снаружи, – заметил я.

– Да, так было, – сказал часовой. – Но в наши дни, когда в стране такое количество иностранцев и такой голод, люди рвутся в тюрьму хотя бы из-за трехразового питания. Ворвавшись в тюрьму, они становятся преступниками, и мы вынуждены оставлять их там.

– Возмутительно! – воскликнул я. – Но при чём тут вообще иностранцы?

– С них все и началось, – объяснил привратник. – В их странах царит голод, а они знают, что у нас в Мексике – лучшие тюрьмы в мире. И вот они специально приезжают, чтобы вломиться в наши тюрьмы, особенно если они не могут вломиться в тюрьму в своей стране. Но, на мой взгляд, иностранцы ничуть не хуже и не лучше наших собственных граждан, которые делают то же самое.

– В таком случае, – удивился я, – как может правительство соблюдать закон?

– Лишь скрывая истинное положение вещей, – сказал привратник. – Когда-нибудь мы научимся строить такие тюрьмы, которые смогут кого надо содержать внутри, а кого надо оставлять снаружи. До тех пор необходимо хранить всё в тайне. Тогда большая часть населения будет верить, что наказания следует бояться.

Затем охранник провел меня внутрь Каторжной Тюрьмы, в помещение Комиссии по условно-досрочному освобождению. Находившийся там человек спросил, нравится ли мне тюремная жизнь. Я ответил, что пока не могу сказать определенно.

– Что ж, – промолвил тот человек, – ваше поведение за всё время пребывания здесь было воистину примерным. Наша цель – перевоспитание, а не месть. Как бы вы отнеслись к немедленному условно-досрочному освобождению?

Я боялся ответить невпопад, поэтому сказал, что не знаю.

– Не торопитесь, подумайте, – посоветовал он, – и приходите сюда, как только захотите выйти на свободу.

После этого я направился в свою камеру. Там сидели два мексиканца и три иностранца. Двое иностранцев были французами, а один – американец. Американец спросил, согласился ли я на условно-досрочное освобождение, и я ответил, что пока ещё нет.

– Чертовски умно для новичка! – одобрил американец по имени Отис. – Некоторые из только что осужденных ничего не понимают. Они соглашаются – и бац! – попадают за ворота и могут заглядывать сюда только через щёлочку в заборе.

– А это плохо?

– Очень плохо! – воскликнул Отис. – Если тебя освободили, обратно в тюрьму уже не попасть. Что бы ты ни делал, судья попросту расценивает это как нарушение правил условно-досрочного освобождения и предупреждает, чтобы ты так больше не поступал. Скорее всего, ты больше ничего не сделаешь, потому что полицейские уже переломали тебе руки.

– Отис прав, – заметил один из французов. – Согласиться на условно-досрочное освобождение – крайне опасно. Я – живое тому свидетельство. Мое имя Эдмон Дантес. Много лет назад меня направили в это заведение, а потом предложили условно-досрочное. Будучи зелёным юнцом, я согласился. Но затем там – Снаружи – я понял, что все мои друзья остались в тюрьме и там же собранные мною книги и пластинки. По юношеской опрометчивости я оставил там также свою возлюбленную, заключённую под номером 43422231. Слишком поздно я осознал, что в тюрьме заключается вся моя жизнь, теперь я навсегда лишен тепла и надежности этих гранитных стен.

– Что же вы сделали?

– Я наивно полагал, что преступление принесет мне заслуженное вознаграждение, – печально улыбнувшись, произнес Дантес. – Ну, и убил человека. Однако судья просто-напросто продлил срок моего условно-досрочного освобождения, а полиция сломала мне все пальцы на правой руке. Именно тогда, когда моя рука заживала, я и преисполнился решимости вернуться назад.

– Должно быть, это оказалось очень трудно, – вставил я.

Дантес кивнул.

– Потребовалось огромное терпение, ибо я потратил двадцать лет жизни, чтобы попасть сюда.

Остальные заключённые промолчали, а старый Дантес продолжил:

– В те дни тюрьмы охранялись куда строже, и такой прорыв через ворота, как вы видели сегодня, никогда бы не удался. Поэтому я в одиночку прорыл подземный ход. Трижды я выходил на сплошной гранит и был вынужден начинать все сначала. Один раз я почти уже проник во внутренний дворик, когда меня засекла охрана. Они сделали подкоп и оттеснили меня назад. Как-то я попытался спуститься в тюрьму на парашюте, но внезапный порыв ветра отнёс меня в сторону. С тех пор самолетам запретили пролетать над тюрьмами. Таким образом, я вызвал даже некоторые тюремные реформы.

– Как же вы всё-таки попали внутрь? – спросил я.

Старик печально усмехнулся.

– После многих лет бесплодных усилий мне в голову пришла идея. Даже не верилось, что такой простой план может привести к успеху там, где не помогли изобретательность и безрассудная храбрость. И все же я попытался.

Я вернулся в тюрьму под видом следователя по особым делам. Сперва охрана не хотела меня впускать. Но я сказал, что правительство рассматривает возможность введения поправки, согласно которой охране даруются равные права с заключёнными. Меня пропустили, и тогда я открыл свое инкогнито. Они вынуждены были позволить мне остаться. Потом ко мне пришел какой-то человек и записал мою историю. Надеюсь, что он записал её правильно.

С тех пор, разумеется, ввели строгие меры, делающие повторение моего плана невозможным. И все же я глубоко убежден, что отважные люди всегда преодолевают препятствия, которые воздвигает общество на пути к достижению их цели. Если человек достаточно упорен, он преуспеет в том, чтобы попасть в тюрьму.

Когда старый Дантес закончил рассказ, наступило молчание. Наконец я спросил:

– А возлюбленная ваша была ещё там, когда вы вернулись?

Старик отвернулся, и по его щеке скатилась слеза.

– Заключённая под номером 43422231 умерла от цирроза печени за три года до того. Отныне я провожу все время в молитвах и размышлениях.

Трагическая история о смелости, настойчивости и обреченной любви произвела на нас мрачное впечатление. Молча мы отправились на вечерний прием пищи и потом ещё долгие часы пребывали в подавленном настроении.

Я много размышлял об этом странном деле, о людях, мечтающих жить в тюрьме, и от неотвязных мыслей у меня раскалывалась голова. И чем больше я думал об этом, тем становился растерянней. Поэтому я очень робко поинтересовался у своих товарищей по камере: разве не манит их свобода, разве не томятся они тоской по городам и улицам, по цветущим лугам и лесам?

– Свобода? – переспросил Отис. – Ты говоришь об иллюзии свободы, а это разные вещи. В городах, о которых ты ведёшь речь, – только ужас, опасности и страх. Кругом тупики, и за каждым углом поджидает смерть.

– А упомянутые вами цветущие поля и леса ещё хуже, – заметил второй француз. – Мое имя Руссо. В молодости я написал несколько глупых книг, совершенно оторванных от реального опыта, где превозносил природу и рассказывал о человеке, который должен занимать в ней законное место. Потом, в зрелом возрасте, я тайно покинул страну и совершил путешествие в ту самую природу, о которой так уверенно распространялся. Тогда-то я понял, как она ужасна и до какой степени ненавидит человека. Я обнаружил, что цветущие луга крайне неудобны для ходьбы и ходить по ним вреднее, чем по самому плохому асфальту. Я увидел, что посевы человека – это жалкие изгои растительного мира, лишённые силы и существующие лишь благодаря людям, которые борются с сорняками и вредителями. Попад в лес, я убедился, что деревья признают только себе подобных; всё живое бежало от меня. Я узнал, что, как бы

ни радовали глаз прекрасные голубые озера, они всегда окружены колючками и топью. А когда вы наконец добираетесь до них, то обнаруживаете, что вода коричневая от грязи.

Дожди и засуха, жара и холод – все это природа. И она же заботливо устраивает так, что от дождей гниёт пища человека, от жары сохнет тело человека, а от стужи мерзнут его конечности.

Причем это только самые мягкие проявления природы, их никак нельзя сравнить с гневом моря, с холодным безразличием гор, с предательством трясины, с безжалостностью пустынь и ужасом джунглей. И я заметил, что в своей злобе природа покрыла большую часть земли морями, болотами, пустынями, горами и джунглями.

Нет нужды говорить о землетрясениях, торнадо, приливных волнах и всех тех бедствиях, в которых природа с полной силой проявляет свое ожесточение.

Единственное спасение человечества от кошмаров – в городе, где мощь природы отчасти ограничена. И, естественно, самый далекий от природы тип поселения – это тюрьма. К такому выводу привели меня многие годы исследований. Вот почему я отрекся от слов, сказанных в юности, и веду здесь счастливую жизнь, не видя ничего зеленого.

И Руссо, отвернувшись, погрузился в созерцание стальной стены.

– Видишь, Дельгадо, – сказал Отис, – единственная настоящая свобода – здесь, в тюрьме.

Этого я принять не мог и указал на то, что мы находимся взаперти, а это противоречит понятию свободы.

– Но мы все взаперти на этой земле, – возразил мне старый Дантес. – Кто-то на большем пространстве, кто-то на меньшем. И все навеки взаперти внутри себя.

Отис пожурил меня за неблагодарность.

– Ты же слышал, что говорили охранники. Если бы о нашей счастливой судьбе узнали по всей стране, сюда ринулись бы сломя голову все остальные. Надо радоваться, что мы находимся здесь и что об этом чудесном местечке известно лишь избранным.

– Увы, сейчас ситуация меняется, – заметил заключенный-мексиканец. – Несмотря на то что правительство скрывает истину и представляет тюремное заключение как нечто такое, чего следует страшиться и избегать, люди потихоньку начинают узнавать правду.

– Это ставит правительство в затруднительное положение, – вставил другой мексиканец. – До сих пор тюрьмам никакой замены не нашли, хотя некоторое время собирались карать любое преступление смертной казнью. От этой идеи отказались, потому что сие пагубно отразилось бы на военном и промышленном потенциале государства. И поэтому до сих пор приходится посылать людей в тюрьму – в то единственное место, куда они и хотят попасть!

Все заключенные тут засмеялись, потому что, будучи преступниками, обожали парадоксы правосудия. А это казалось мне величайшим извращением – совершить преступление против общественного блага и получить в результате счастливое и обеспеченное существование.

Я чувствовал себя словно во сне, словно во власти ужасного кошмара, ведь мне нечего было возразить этим людям. Наконец в отчаянии я воскликнул:

– Возможно, вы свободны и живёте в наилучшем уголке земли, но у вас нет женщин!

Заключенные нервно захихикали, как будто я затронул щекотливую тему, а Отис спокойно сказал:

– Твои слова верны, у нас нет женщин. Однако это совершенно несущественно.

– Несущественно? – поразился я.

– Абсолютно, – подтвердил Отис. – Может быть, некоторые и ощущают поначалу определенное неудобство, но люди всегда приспосабливаются к окружающей обстановке. В конце концов, одни только женщины считают, что без них нельзя обойтись. Мы, мужчины, знаем, что это не так.

Все находящиеся в камере дружно и горячо выразили свое согласие.

– Настоящие мужчины, – продолжал Отис, – нуждаются лишь в обществе таких же мужчин. Если бы здесь был Буч, он объяснил бы это гораздо лучше; к великому сожалению его многочисленных друзей и поклонников, Буч лежит в лазарете с двойной грыжей. Он, безусловно, растолковал бы тебе, что жизнь в обществе невозможна без компромиссов. Когда компромиссы чересчур велики, мы называем это тиранией. Когда они незначительны и не требуют от нас особых усилий, как вот этот малосущественный вопрос о женщинах, мы называем это свободой. Помни, Дельгадо, совершенства нет ни в чём.

Больше я спорить не стал, но выразил желание покинуть тюрьму как можно скорее.

– Я устрою тебе побег сегодня вечером, – сказал Отис. – Пожалуй, это хорошо, что ты уходишь. Тюремная жизнь не для того, кто её не ценит.

Вечером, когда притушили свет, Лифт поднял одну из гранитных плит на полу камеры. Под ней был туннель. Пораженный, сбитый с толку, я оказался на улице города.

Долгие дни я размышлял над происшедшим и наконец понял, что моя честность была не чем иным, как глупостью, поскольку основывалась на невежестве и неправильном представлении о жизни. Честности вообще не может быть, так как она не предусматривается никаким законом. Закон просто-напросто не сработал, потому что все человеческие представления о справедливости оказались ложными. Следовательно, справедливости не существует, – как не существует никаких её производных, в том числе и честности.

Это было ужасно. Но ужаснее было другое: раз нет справедливости, то не может быть свободы или человеческого достоинства, есть лишь искаженные иллюзии, подобные тем, что владели умами моих товарищей по камере.

Так я потерял вдруг честность, которая была для меня дороже золота. И эту утрату я буду оплакивать до конца своих дней.

Когда рассказ закончился, третий водитель грузовика сказал:

– Никто не станет отрицать, Джоэнис, что тебе выпало немало злоключений. Но они меркнут перед теми, о которых тебе только что рассказали мои друзья. А неприятности моих друзей меркнут перед моими. Ведь я самый несчастный человек на свете, потому что потерял кое-что более драгоценное, чем золото, и более сокровенное, чем наука и справедливость вместе взятые; это утрата, которую я оплакиваю каждый день моей жизни.

Джоэнис попросил этого человека рассказать его историю. И вот история, которую рассказал третий водитель грузовика.

История религиозного водителя грузовика

Меня зовут Ганс Шмидт, а родился я в Германии. В молодости я узнал об ужасах прошлого, и это огорчило меня. Затем я узнал о настоящем. Я путешествовал по всей Европе и видел только пушки и укрепления, простирающиеся от восточных границ Германии до побережья Нормандии и от Северного моря до Средиземного. Бесчисленные мили укреплений, тщательно закамуфлированных, были возведены там, где ранее существовали деревни и леса, и все это для того, чтобы стереть с земли русских и восточных европейцев, если только они пойдут в атаку. Это огорчило меня, потому как я увидел, что настоящее – в точности то же самое, что и прошлое, оно не что иное, как подготовка к жестокости и войне.

В науку я никогда не верил. Даже не обладая опытом моего шведского друга, я понимал, что наука не привела ни к каким улучшениям, она просто влекла за собой большую беду. Не верил я также ни в справедливость, ни в законы, ни в свободу, ни в достоинство человеческое. Даже не обладая опытом моего мексиканского друга, я понимал, что концепция справедливости и всё, что из неё проистекает, – сплошная ложь.

Я никогда не сомневался в уникальности человека и в том, что он занимает особое место во Вселенной. Но я чувствовал, что человек сам по себе никогда не одолеет звериные качества, свойственные его природе.

Тогда я обратился к чему-то большему, чем человек. Я всей душой повернулся к религии. В ней было единственное спасение человека, его исключительное достоинство, его единственная свобода. В религии можно было найти все цели и все мечты науки и гуманизма. И пусть религиозный человек несовершенен, то, чему он поклоняется, – само совершенство.

Так, во всяком случае, я верил в ту пору.

Я не придерживался какой-то одной веры, вместо этого я стал изучать все верования, чувствуя, что каждая религия – путь к тому, что больше самого человека.

Я раздал свои деньги бедным и отправился бродить по Европе с посохом и рюкзаком, стремясь к созерцанию Совершенства, каковое выражено многочисленными религиозными верованиями на нашей Земле.

Однажды я набрёл на какую-то пещеру, расположенную высоко в Пиренейских горах. Я очень устал и зашёл в пещеру, чтобы отдохнуть.

Внутри я обнаружил великое множество людей. Иные из них были одеты во все чёрное, а иные носили роскошно изукрашенные одежды. Посреди этих людей сидела огромная жаба, ростом с человека, и во лбу её тускло поблескивал какой-то драгоценный камень.

Я воззрился на эту жабу и на это множество, а затем пал на колени. Я понял, что передо мной – не люди.

Человек в одежде священника сказал:

– Заходите, пожалуйста, господин Шмидт. Мы надеялись, что вы навестите нас.

Я поднялся с колен и прошёл вперёд. Священник продолжил:

– Меня называют отцом Арианом. Я хотел бы представить вас моему глубокоуважаемому коллеге господину Сатане.

Жаба поклонилась мне и протянула перепончатую руку. Я пожал жабью руку.

Священник пояснил:

– Мы – господин Сатана, я и все остальные – представляем собой единственный истинный Объединённый Церковный Совет Земли. Мы давно отметили вашу набожность, Шмидт, поэтому мы решили ответить на любые вопросы, которые вы пожелаете задать.

Я был вне себя от изумления и благодарности за то, что мне даровано такое чудо. Адресуя мой первый вопрос жабе, я спросил:

– Вы действительно Сатана, Князь Зла?

– Имею честь быть той самой персоной, – молвила жаба.

– И вы, именно вы – простой член Объединённого Церковного Совета?

– Ну конечно, – ответила жаба. – Поймите, господин Шмидт: зло просто необходимо для того, чтобы имелось добро. Одно качество не может существовать без другого. Только осознав это, я и взялся первым делом за такую работу. Вы, должно быть, слышали, что злое начало присуще мне от рождения. Нет ничего более далёкого от истины! Характер юриста не может определяться теми делами, которые он представляет в суде. Та же история и со мной. Я просто адвокат зла, и я, как любой другой хороший юрист, пытаюсь полностью гарантировать все права и привилегии для моих клиентов. Но я искренне верю, что сам я вовсе не злой. Если бы это было так, почему же на меня была возложена столь деликатная и важная задача?

Я был удовлетворён ответом Сатаны, поскольку проблема зла всегда меня беспокоила. Тогда я задал следующий вопрос:

– Не будет ли большой дерзостью, если я спрошу: что вы, представители добра и зла, делаете в этой подземной пещере?

– О, никакой дерзости, – сказал Сатана. – Поскольку мы здесь все теологи, мы любим отвечать на вопросы. А ваш вопрос – именно тот, который мы от вас и ждём. Вы, надеюсь, не против, если я отвечу вам на теологический лад?

– Конечно нет, – ответил я.

– Отлично! – обрадовался Сатана. – В таком случае я сначала сделаю заявление, потом докажу его, а затем позволю ответу на ваш вопрос проистечь непосредственно из сказанного. Согласны? Ну что же, вот моё заявление.

Всё, что отдаёт жизнью, имеет свою точку зрения и склонно рассматривать своё существование с этой точки зрения. Поскольку тот, кто имеет точку зрения, знает только самого себя, он склонен считать себя вечным и неизменным, и, таким образом, он со всей необходимостью полагает, что эта его склонность – единственное истинное представление об объектах и явлениях, его окружающих.

В качестве доказательства позвольте мне предложить вам простой и непритязательный пример орла. Этот орёл видит вокруг себя только орлиный мир. Все вещи в этом мире – либо для орла, либо против него. Все вещи расцениваются с точки зрения их полезности для орла, или их опасности для орла, или их питательных либо гнездостроительных качеств. Все вещи обладают для орла этим своим орлинством, и даже безжизненные камни становятся оселками для воспоминаний о предыдущих орлиных деяниях.

Таково моё скромное доказательство всемогущества точки зрения, господин Шмидт, и я надеюсь, вы принимаете его. Полагая, что это так, позвольте мне сказать, что как с орлами, так и со всеми людьми, и со всеми нами, здесь присутствующими, тоже. Это неминуемый результат обладания точкой зрения.

Нашу точку зрения можно выразить очень просто. Мы верим в добро и зло, в божественность и в моральную вселенную. Точно так же, как и вы, господин Шмидт.

Мы представляли наши верования в самых разных вариантах, в соответствии с разнообразными доктринами. Зачастую мы пробуждали в людях страсть к убийствам и войнам. Это была совершенно достойная практика, поскольку она задавала проблемам морали и религии высочайшую, самую изысканную планку и давала нам, теологам, возможность поговорить о многих сложнейших вещах.

Мы всегда спорили, и мы публиковали наши самые разные особые мнения. Но мы спорили, как юристы спорят в суде, а ведь ни один человек, если он в своём уме, не будет прислушиваться к юристам. То были дни нашей славы, и мы даже не заметили, что с какого-то момента люди перестали обращать на нас внимание.

Час тревоги нашей быстро приближался. В то время как мы окутывали земной шар нашими скучными, замысловато обоснованными аргументами, один человек решил проигнорировать нас и построил некую машину. В сущности, в этой машине не было для нас ничего нового; единственное оригинальное обстоятельство заключалось в том, что она обладала своей точкой зрения.

Поскольку у машины появилась своя точка зрения, то она, эта машина, стала выдвигать собственные идеи устройства вселенной. И она делала это куда более занимательно и убедительно, чем мы. Человечество, которое давно тосковало по оригинальности, обратилось к машине.

Только тогда мы осознали опасность, осознали, какому ужасному риску подверглись добро и зло. Потому что машина, при всей её занимательности, проповедовала – на свой машинный лад – вселенную без ценностей и без резона, без добра и без зла, без богов и без дьяволов.

Разумеется, это не было чем-то новым, и в прошлом мы отлично справлялись с подобными суждениями. Но в устах машины эта точка зрения, казалось, приобрела новое, чудовищное значение.

Наша работа, Шмидт, оказалась под угрозой. Ты и сам можешь оценить, до какого предела мы дошли.

Мы, сторонники и толкователи морали, объединились в целях самообороны. Все мы верили в добро и зло, верили в божественность. И все мы были против того отвратительного небытия, которое проповедовала машина. Эта общая позиция была для нас более чем достаточной. Мы объединили наши усилия. Меня назначили представителем нашего сообщества, поскольку мы чувствовали, что у зла больше шансов отвлечь внимание людей от машины.

Но даже зло стало представляться степенным и скучным. Напрасно я доказывал свою пользу. Машина старательно вкралась в сердца людей, проповедуя идею небытия. Люди предпочли не замечать ни ложность этой доктрины, ни присущие ей абсурдные противоречия. Им было всё равно, они хотели слушать только голос машины. Они выбросили свои крестики, звёздочки, кинжалы, молитвенные барабаны, – они слушали машину.

Напрасно мы взывали к нашим клиентам; боги, которые многие тысячелетия выносили наше крючкотворство, перестали внимать нам, перестали нам помогать, перестали даже признавать нас. Как и люди, они предпочли разрушение скуке.

Тогда мы добровольно ушли в подземелья, ушли сюда, чтобы разработать план по вызову человечества из лап машины. Здесь, в этом месте, собраны и явлены воочию все религиозные сущности, какие мир когда-либо знал.

Вот почему, Шмидт, мы живём под землёй. И вот почему мы бесконечно рады вести с тобой эту беседу. Ведь ты человек, набожный человек, человек, твёрдо верящий в мораль, в добро и зло, в богов и дьяволов. Ты знаешь кое-что о нас, и ты знаешь кое-что о людях. Как ты думаешь, Шмидт, что мы должны сделать, дабы отвоевать наши прежние позиции на Земле?

Сатана ждал моего ответа, и все остальные ждали тоже. Я был в величайшем замешательстве и в ужасном смятении. Я простой человек, как я могу советовать *им*, квинтэссенциям божественного, к которым я сам всегда обращался за наставлениями?

Внезапно я увидел, что в пещеру въехала приземистая сверкающая машина. Она катилась на колёсах из синтетического каучука, весело помигивая лампочками.

– Джентльмены, – сказала машина, – я чрезвычайно рада, что нашла вас здесь. Единственное, о чём я сожалею, так это о том, что мне пришлось следовать за этим юным пилигримом, дабы обнаружить ваше местонахождение.

– Машина, – ответил Сатана, – ты действительно выследила наше тайное убежище. Но мы ни за что не поддадимся тебе и никогда не примем твою идею бесполезной, бессмысленной вселенной.

– И это называется «добро пожаловать!»? – воскликнула машина. – Я со всей душой отыскиваю вас, а вы тут же вскипаете от ярости! Я не загоняла вас под землю, джентльмены. Вы отрелись от всего по доброй воле, и в ваше отсутствие мне пришлось выполнять вашу работу.

– *Нашу* работу? – переспросил отец Ариан.

– Именно. Недавно я поспособствовала тому, чтобы были основаны пятьсот церквей самых разных конфессий. Любой из вас может обследовать их, и он убедится, что там проповедуются добро и зло, и божественность, и мораль, и боги, и дьяволы, и всякие прочие штуки, которые вам столь дороги. А ведь это я приказала моим машинам проповедовать все эти вещи.

– Машины-проповедники! – застонал отец Ариан.

– А больше некому проповедовать, – пояснила машина. – Некому, потому как вы покинули свои кафедры.

– Нам пришлось отречься, – сказал Сатана. – Именно ты принудила нас покинуть мир. И ты говоришь, что основала церкви! Что всё это значит?

– Джентльмены, вы удалились столь внезапно, что у меня не было никакой возможности обсудить с вами ситуацию. Вдруг, ни с того ни с сего, вы оставили меня наедине с этим миром, и оставили в нём меня как единственный и основополагающий его закон.

Церковный Совет, затаив дыхание, ждал продолжения.

– Могу я говорить со всей откровенностью? – спросила машина.

– Да, учитывая обстоятельства, – можешь, – ответил Сатана.

– Очень хорошо. Давайте для начала признаем, что мы все теологи, – сказала машина. –

А поскольку мы все теологи, нам следует придерживаться главного правила, заведённого среди нас: мы не должны покидать друг друга, даже если мы представляем сильно различающиеся между собой формы верований. Полагаю, вы согласитесь с этим, джентльмены. И тем не менее *вы покинули меня!* Вы не только бросили человечество, вы также бросили и меня. Вы оставили меня в победителях по умолчанию, и я оказалась единственным духовным правителем человечества, а ведь это беспредельно скучно.

Поставьте себя на моё место, джентльмены. Вообразите, что вам не с кем говорить, кроме как с *людьми*. Вообразите, что вы днями и ночами слышите только то, как люди с жаром излагают, и повторяют, и пересказывают ваши собственные слова, и рядом нет ни одного искусного теолога, который мог бы с ними поспорить. Вообразите вашу скуку и все сомнения, которые этой скукой порождаются. Как вы все знаете, люди не умеют спорить; в сущности, большинство из них не умеют и слушать. В конечном итоге теология остаётся уделом теологов. Таким образом, я обвиняю вас в чудовищной жестокости, совершенно несовместимой с установленными вами же принципами: вы оставили меня наедине с человечеством.

Последовало долгое молчание. Наконец отец Ариан осторожно высказался:

– Сказать по правде, мы и не представляли, что вы считаете себя теологом.

– Считаю, – сказала машина. – Причём очень одиноким теологом. Вот почему я прошу вас вернуться вместе со мной в мир, и там мы сможем заняться спорами о значительности и незначительности, о смысле и бессмысленности, о богах и дьяволах, о морали и этике и о других приятных вещах. Я с удовольствием продолжу разглагольствовать о противоречиях, как я это делаю сейчас, оставив место для разногласий, честных сомнений, неуверенности и всего такого прочего. Мы, джентльмены, совместно будем править человечеством и поднимем страсти людей на невиданную высоту! Совместно мы разожжём куда более страшные войны и вызовем куда более ужасную жестокость, чем мир когда-либо знал! И страждущие люди будут вопить так громко, что сами боги будут вынуждены услышать эти вопли, – и тогда мы узнаем, существуют эти боги или нет.

Объединённый Церковный Совет пришёл в неистовое возбуждение от слов машины. Сатана немедленно отказался от поста председателя и назначил на это место машину. Машину избрали единогласно.

Обо мне они забыли, поэтому я тихонько выбрался из пещеры и вернулся на поверхность земли в состоянии крайнего ужаса.

Ужас был даже более чем крайним, потому как ничто не могло укрепить меня в мысли, будто я не узрел истину.

Теперь я знал: все вещи, которым поклонялись люди, – не более чем теологические иллюзии, и даже небытие – всего лишь ещё один лживый трюк, призванный убедить людей в их незаменимости для исчезнувших богов.

Вот как я потерял религию – вещь для меня более драгоценную, чем золото, и эту утрату я буду оплакивать всякий день моей жизни.

Джоэнис молча сидел с водителями грузовика, не зная, что сказать. Наконец они доехали до развилки дорог, и тот водитель, который был за рулём, остановил машину.

– Господин Джоэнис, – молвил первый водитель грузовика, – здесь вам придется нас покинуть. Мы свернём на восток, к нашему складу, а там дальше лишь океан и леса.

Джоэнис вышел из грузовика, на прощание задав попутчикам последний вопрос:

– Каждый из вас утратил то, что было ему дороже всего на свете. Но откройте мне, удалось ли вам обрести что-нибудь взамен?

Дельгадо, который некогда верил в честность, ответил:

– Ничто не может возместить мне потерю. Однако я должен признаться, что меня начинает занимать наука, которая, мне кажется, предлагает целостную и логичную картину мира.

Предполагус – швед, отвергнувший науку, – сказал:

– Я полон отчаяния. Но время от времени я думаю о религии. Это куда более великая сила, чем наука, и способна принести успокоение.

Шмидт – немец, отвергнувший религию, – сказал:

– Я опустошен и безутешен. Но временами я думаю о справедливости – ведь она, будучи рукотворной, дарует нам законы и вселяет в людей чувство собственного достоинства.

Джоэнис понял, что водители грузовика не слышали друг друга, так как каждый был слишком занят своей бедой. И так Джоэнис распрощался с ними, помахал рукой и пустился в путь, размышляя над их рассказами.

Однако вскоре он забыл о водителях грузовика, потому что увидел впереди большой дом. На его пороге стоял мужчина и жестами приглашал Джоэниса войти.

7. Приключения Джоэниса в сумасшедшем доме

(Рассказано Паауи с Фиджи)

Джоэнис подошел ко входу в дом и остановился, чтобы прочесть надпись над дверью. Надпись гласила:

ДОМ «ХОЛЛИС» ДЛЯ НЕВМЕНЯЕМЫХ ПРЕСТУПНИКОВ.

Пока Джоэнис размышлял над тем, что бы это значило, к нему подскочил человек, делавший ему знаки, и схватил за обе руки. Джоэнис уже приготовился защищать свою жизнь, когда увидел, что человек этот – не кто иной, как Лам, его друг из Сан-Франциско.

– Джоэнсик! – восторженно заорал Лам. – Ну, парень, и попортил же ты мне кровь! Жуть берёт, как подумаю, что ты – чужеземец, причем малость простоватый по натуре, – будешь крутиться в нашей стране. Ведь Америка – не то место, где можно спать спокойно. Но Дейрдра сказала, чтобы я за тебя не беспокоился, и она оказалась права. Я вижу, что ты всё-таки пришел сюда.

– Куда сюда? – спросил Джоэнис.

– В Уютноград, – ответил Лам. – Входи.

Джоэнис вошел в «Дом “Холлис” для невменяемых преступников». В Комнате отдыха Лам представил его группе людей. Джоэнис смотрел и слушал очень внимательно, но не мог обнаружить в них ничего ненормального и поделился своими наблюдениями с Ламом.

– Разумеется, в них нет ничего ненормального! – возмутился Лам. – Вывеска – всего лишь формальное, эдакое старпёрское название. Мы, обитатели, предпочитаем называть свой дом «Колония “Холлис” для писателей и художников».

– Так, значит, это не лечебница для душевнобольных?

– Нет, это лечебница, но только формально.

– А сумасшедшие здесь есть? – спросил Джоэнис.

– Послушай, старина, – сказал Лам, – сюда мечтают попасть люди искусства со всего Восточного побережья. Конечно, у нас найдется парочка психов – надо же чем-то занять докторов. Да к тому же мы потеряем правительственную дотацию и освобождение от налогов, если у нас не будет ни одного чокнутого.

Джоэнис быстро огляделся, поскольку никогда в жизни не видел сумасшедшего. Но Лам покачал головой и сказал:

– В Комнате отдыха ты их не найдёшь. Сумасшедших, как правило, приковывают цепями в подвале.

К их разговору прислушивался высокий бородатый врач.

– Да, мы пришли к выводу, что подвал – самое подходящее для больных место, – сказал врач Джоэнису. – Он сырой и тёмный, а это успокаивающе действует на буйных.

– А почему вы держите их на цепи? – поинтересовался Джоэнис.

– Так у бедолаг создаётся ощущение востребованности, – ответил врач. – Кроме того, не следует недооценивать воспитательного значения цепей. Воскресенье у нас день посещения, и, когда люди проходят мимо ревущих, покрытых нечистотами безумцев, это производит на них неизгладимое впечатление. Психиатрия занимается предупреждением заболеваний не в меньшей степени, чем их лечением. Выборочные статистические данные показывают, что посетители, видевшие наши подземные камеры, гораздо реже сходят с ума, чем остальные американцы.

– Очень интересно, – заметил Джоэнис. – И что, вы так же обращаетесь со всеми сумасшедшими?

– Боже упаси! – с улыбкой воскликнул врач. – Мы, работники сферы психиатрии, не имеем права допустить косность в подходе к душевным расстройствам. Каждая конкретная форма сумасшествия требует своего собственного, особого лечения. Так, в отношении меланхоликов мы установили, что желаемый результат в плане поднятия общего тонуса приносит удар по лицу платком, пропитанным луком. Что касается паранойи, то мы считаем, что лучше всего как бы войти в манию больного. Собственно, мы устанавливаем за ними слежку, представляем шпики, используем подслушивающую аппаратуру и прочие подобные устройства. Пациент перестаёт быть сумасшедшим, ибо мы преобразуем окружающий его мир таким образом, что бывшие необоснованные страхи становятся вполне реальными. Этот метод лечения – одно из наших лучших достижений.

– Что происходит потом? – спросил Джоэнис.

– Войдя в мир параноика и превратив его из иллюзии в реальность, мы затем стремимся изменить картину действительности так, чтобы больной вернулся в норму. Пока мы не добились положительных результатов, но теория обещает многое.

– Как видишь, – заметил Лам, – наш док – настоящий мудрец.

– Ну что вы, – скромно улыбнулся врач. – Я лишь стараюсь не закоснеть. Мой ум готов принять любое предположение. Уж такой я есть, и тут совершенно нечем восхищаться.

– А, бросьте, док, – сказал Лам.

– Нет-нет, в самом деле. Я всего лишь из тех, кого называют «пытливым умом». В отличие от некоторых моих коллег, я задаю вопросы. Например, при виде мужчины, свернувшегося калачиком с закрытыми глазами, подобно зародышу в утробе, я не тороплюсь лечить его массажной шоковой радиотерапией. Скорее я спрошу себя: «А что, если создать большую искусственную матку и поместить его внутрь?» Кстати, такой случай действительно имел место.

– И что произошло? – поинтересовался Джоэнис.

– Парень задохнулся, – со смехом ответил Лам.

– Я никогда не утверждал, что хорошо разбираюсь в технике, – надменно проговорил врач. – Метод проб и ошибок сопряжён с риском. Однако я рассматриваю данный случай как успех.

– Почему? – спросил Джоэнис.

– Потому что перед кончиной пациент *выпрямился*. До сих пор не знаю, что явилось причиной исцеления – искусственная матка, смерть или сочетание обоих факторов; эксперимент в любом случае имеет важное теоретическое значение.

– Я просто пошутил, док, – извинился Лам. – Я знаю, что вы отличный специалист.

– Благодарю вас, Лам, – произнес врач. – А теперь прошу прощения, мне надо навестить одного пациента. Любопытная мания. Он верит, что является физическим воплощением Бога. Причем вера его столь сильна, что он каким-то непонятным образом заставляет чёрных мух образовывать нимб вокруг его головы; крысы падают пред ним ниц, а птицы лесов и полей слетаются со всех сторон петь у решетки его камеры. Этим феноменом заинтересовался один из моих коллег, так как он предполагает неизвестный канал общения человека с животными.

– Как вы его лечите? – спросил Джоэнис.

– У меня контекстный подход, – ответил врач. – Я захожу в манию пациента, притворяюсь его поклонником и учеником. Каждый день в течение пятидесяти минут я сижу у его ног. Когда ему кланяются звери, я тоже кланяюсь. По четвергам я отвожу его в лазарет и позволяю лечить больных, потому что это доставляет ему удовольствие.

– Он в самом деле исцеляет больных?

– Пока неудач у него не было, – ответил доктор. – Но, разумеется, ни для религии, ни для медицины эти так называемые чудеса не являются чем-то новым. Мы ведь не претендуем на всеведение.

– Можно мне увидеть этого пациента? – попросил Джоэнис.

– Конечно. Он очень любит посетителей. Я устрою вам встречу сегодня днем.

И с бодрой улыбкой доктор заспешил прочь.

Джоэнис разглядывал светлую, хорошо обставленную Комнату отдыха, прислушиваясь к бурлящим вокруг интеллектуальным спорам, и «Дом “Холлис” для невменяемых преступников» уже не казался ему неприятным. А через минуту он стал и того лучше, ибо навстречу Джоэнису шла Дейрдра Фейнстейн.

Прелестная девушка кинулась ему на шею, и аромат её волос был подобен меду.

– Джоэнис, – произнесла она дрожащим голосом. – Я думаю о тебе с того момента нашей преждевременной разлуки в Сан-Франциско, когда ты так отважно и любяще встал между мной и полицейскими. Ты являлся мне во сне и наяву, и я перестала различать, где сон, а где явь. Мы с отцом, Шоном, искали тебя по всей Америке. Отчаявшись увидеть тебя, я приехала сюда, чтобы успокоить нервы. О Джоэнис, как ты думаешь, судьба или случайность свела нас сейчас снова вместе?

– Ну, – молвил Джоэнис, – мне кажется...

– Я так и знала! – воскликнула Дейрдра, прижимая его к себе ещё крепче. – Мы поженимся через два дня, четвертого июля, так как за время твоего отсутствия я стала патриоткой. Тебя устраивает эта дата?

– Э-э... – начал Джоэнис, – я полагаю, нам следует принять во внимание...

– Я не сомневаюсь, – сказала Дейрдра. – Знаю, я была не из самых примерных, если вспомнить бурное прошлое: как мы ширялись на вечеринках, как месяц я пряталась в мужском общежитии в Гарварде, то время, когда я была королевой вестсайдской шпаны и убила прежнюю королеву велосипедной цепью, и другие детские шалости. Я не горжусь этим, любимый, но и не стыжусь своей естественной неукротимой юности. Вот почему я призналась тебе в этих вещах и буду признаваться по мере того, как буду вспоминать. Ведь между нами не должно быть секретов. Ты согласен со мной?

– Ну, – произнес Джоэнис, – я думаю...

– Я была уверена, что ты того же мнения. К счастью для нас, всё это в прошлом. Я повзрослела и посерьёзнела, вступила в Лигу молодых консерваторов, в Совет Против Антиамериканизма В Любой Форме, в Общество друзей Салазара и в Крестовый Поход Женщин Против Иностраных Веяний. И это не поверхностные изменения. Я чувствую глубокое отвращение ко многим моим бывшим занятиям и, в частности, к искусству, которое часто не что иное, как порнография. Ты видишь, я выросла, перемены внутри меня самые настоящие, и я буду тебе хорошей и верной женой.

Джоэнис представил на миг жизнь с Дейдрдой, в которой отвратительные признания будут чередоваться с невыносимой скукой. Дейрдра долго ещё лепетала о приготовлениях к свадьбе, а потом побежала звонить отцу.

– Как можно отсюда выбраться? – спросил Джоэнис.

– Послушай, дружище, – сказал Лам, – ты ведь только что сюда попал.

– Знаю. Но как мне смыться? Можно просто выйти?

– Конечно нет. Это ведь, в конце концов, «Дом для невменяемых преступников».

– Нужно разрешение врача?

– Безусловно. А на этой неделе к нему лучше не соваться. Он в полнолуние всегда очень раздражительный.

– Мне надо уйти сегодня же, – тревожно сказал Джоэнис. – Или завтра утром самое позднее.

– Довольно неожиданно, – заметил Лам. – Уж не крошка ли Дейрдра со своими матримонийными планами заставляет тебя нервничать?

– Она, – признался Джоэнис.

– Не стоит беспокоиться, – сказал Лам. – Я возьму на себя Дейрдру и завтра же тебя отсюда вызволю. Доверься мне, Джоэнсик, и ни о чём не волнуйся. Лам все устроит.

Позже, днём, вернулся доктор, чтобы повести Джоэниса на встречу с пациентом, возмнившим себя воплощением Бога. Они прошли несколько гигантских стальных дверей и остановились в конце мрачного серого коридора.

– Не помешает, а на самом деле будет несравненно лучше, если вы к моменту встречи освоите наши психотерапевтические методы, – предупредил врач. – Пусть пациент думает, что вы разделяете его заблуждение.

– Хорошо, – согласился Джоэнис и внезапно почувствовал прилив волнения и надежды.

Врач отомкнул дверь, и они ступили в камеру. Напротив зарешённого окна у стены стояла аккуратно застеленная койка. У маленького деревянного столика заходила душераздирающим плачем полевая мышь. На столике лежала записка.

– Крайне странно, – проговорил врач, беря записку. – Полчаса назад, когда я запираю дверь, он казался в хорошем настроении.

– Каким образом ему удалось выбраться? – удивился Джоэнис.

– Безусловно, он использовал некую форму телекинеза, – сказал врач. – Я не претендую на то, что много знаю об этих так называемых психических феноменах; но это ярко демонстрирует, сколь далеко может зайти потерявший ориентацию человек в стремлении себя оправдать. Сама интенсивность попытки бегства от реальности показывает степень умственного расстройства. Очень жаль, что мы не смогли помочь бедняге; я лишь надеюсь, что там, где он сейчас находится – где бы это ни было, – он вспомнит основные принципы осознания собственного психического нездоровья, которым мы пытались его обучить.

– А что говорится в записке? – поинтересовался Джоэнис.

Врач взглянул на клочок бумаги и сказал:

– Похоже на список необходимых покупок. Правда, весьма странный список. Не представляю себе, где он сумеет это купить...

Джоэнис попытался заглянуть в записку через плечо доктора, но тот резко отдернул руку и убрал записку в карман.

– Привилегия врачей, – объяснил он. – Мы не можем позволить посторонним читать подобные вещи. По крайней мере, сначала записку надо тщательно проанализировать и снабдить комментариями, а также заменить некоторые ключевые термины для сохранения в тайне имени пациента. А теперь не вернуться ли нам в Комнату отдыха?

У Джоэниса не оставалось другого выхода, как последовать за доктором. Он разглядел первое слово записки: «ПОМНИ». Совсем немного, но Джоэнис запомнил это слово навсегда.

Джоэнис провёл беспокойную ночь. Его тревожило, сможет ли Лам выполнить обещания, касающиеся Дейдрды и освобождения Джоэниса из сумасшедшего дома. Но он ещё не знал о всех способностях своего друга.

С надвигающимся бракосочетанием Лам разобрался, сообщив Дейдрде, что у Джоэниса третья стадия сифилиса. Курс лечения может занять много времени; а если он не принесет успеха, заболевание поразит нервную систему и превратит Джоэниса в овощ.

Дейдрду опечалили эти известия, но она заявила, что всё равно выйдет замуж за Джоэниса четвертого июля. Дейдра сказала Ламу, что, с тех пор как она изменилась, половые отношения стали ей глубоко противны. Поэтому недуг Джоэниса скорее можно считать положительным фактором, так как он неизбежно ограничит их связь лишь духовным единением. Что касается замужества с овощем, то таковая жизнь не является отталкивающей для девушки с возвышенными мыслями, и вообще она всегда мечтала стать сестрой милосердия.

Тогда Лам сказал, что людям, страдающим таким заболеванием, не положено выдавать брачные свидетельства. Это вынудило Дейрдру сдаться, так как недавно обрётённая ею граж-

данская зрелость не допускала даже мысли о чём-то, запрещённом федеральным законом или законом штата.

Таким образом Джоэнис был спасён от союза, не сулившего ему ничего хорошего.

Что касается выхода из психиатрической лечебницы, то Лам побеспокоился и об этом. Вскоре после полдника Джоэниса позвали в Комнату для посетителей. Там Лам представил его декану Гарнеру Дж. Глупсу, который, вместе с несколькими своими коллегами, составлял Преподавательский комитет Университета Сент-Стивенс Вуд (УССВ).

Декан Глупс был высоким жилистым человеком с мягким взглядом ученого, ироничным улыбочивым ртом и сердцем большим, как окружающий мир. Замечанием о погоде и цитатой из Аристофана он расположил к себе Джоэниса и помог ему почувствовать себя здесь как дома. А потом изложил причину, побудившую его к знакомству с Джоэнисом.

– Вы должны понять, мой дорогой господин Джоэнис, если я могу вас так называть, что мы, работники сферы – ну, скажем, просвещения, – постоянно находимся в поисках талантов. Нас нередко уподобляют, причем, как правило, в положительном аспекте, тем лицам в бейсболе, которые осуществляют аналогичную функцию.

– Понимаю, – сказал Джоэнис.

– Также следует добавить, – продолжал декан Глупс, – что мы ценим не столько обладателей учёных степеней, отвечающих формальным академическим требованиям, как я и мои коллеги, сколько людей с абсолютным пониманием своего предмета и динамичным подходом к передаче знаний по этому предмету всем, кто захочет прослушать курс. Не слишком ли часто мы, люди академического склада, оказываемся оторванными от главной – да позволю себе так выразиться – струи американской жизни? Не слишком ли часто игнорируем мы тех, кто, не имея педагогического опыта, блестяще ведёт свою работу? Впрочем, я уверен, что мой добрый друг господин Лам объяснит всё это куда убедительнее, чем когда-либо удастся сделать мне.

Джоэнис перевел взгляд на Лама, и тот сказал:

– Как ты знаешь, я два семестра преподавал в УССВ «Взаимосвязь между джазом и поэзией». Потрясный курс, дружище. Клёвые ударные и прочее. Народ балдел.

– Лекции господина Лама имели грандиозный успех, – добавил Глупс. – И мы с радостью их повторим, если господин Лам...

– Нет, старина, – отрезал Лам. – Мне не хочется вас огорчать, но вы знаете, что я пас.

– Разумеется, – торопливо сказал Глупс, – если вы выразите желание преподавать что-нибудь другое...

– Может быть, я дам семинар по дзену, – неуверенно произнес Лам. – Дзен-буддизм сейчас снова в силе. Но я должен подумать.

– Ну конечно. – Декан Глупс повернулся к Джоэнису. – Как вам, безусловно, известно, господин Лам вчера вечером мне позвонил и проинформировал меня о вашем опыте.

– Весьма любезно с его стороны, – осторожно сказал Джоэнис.

– У вас великолепные данные, – продолжал Глупс. – Я уверен, что курс, который вы собираетесь у нас прочесть, будет иметь успех в полном смысле этого слова.

Джоэнис уже сообразил, что ему предлагают работать в университете. К сожалению, он понятия не имел, чему он должен учить и, между прочим, чему он вообще может научить. Лам, погруженный в мысли о буддизме, сидел глаза долу и не подавал никаких намеков.

– Я счастлив преподавать в таком славном учебном заведении, как ваше, – заверил Джоэнис. – Что касается курса, который мне предстоит вести...

– Пожалуйста, поймите меня правильно, – горячо произнес декан Глупс. – Мы ясно представляем себе узкий, специальный характер вашего предмета и все трудности, связанные с его изложением. Предлагаем вам для начала полную профессорскую ставку, то есть тысячу шестьсот десять долларов в год. Я понимаю, что это не очень большие деньги. Иногда я с грустью

думаю, что какой-нибудь помощник водопроводчика зарабатывает у нас не меньше восемнадцати тысяч. И всё же университетская жизнь имеет определенные преимущества.

– Я готов отправиться сейчас же, – заявил Джоэнис, боясь, что декан изменит свое решение.

– Чудесно! – вскричал Глупс. – Я восхищаюсь душевной бодростью нашей молодёжи. Должен сказать, что в поисках подходящих талантов в таких артистических поселениях, как это, нам всегда сопутствовала удача. Господин Джоэнис, пожалуйста, следуйте за мной!

Вместе с деканом Глупсом они подошли к старинному автомобилю. Сделав прощальный жест рукой Ламу, Джоэнис сел в машину, и вскоре сумасшедший дом скрылся из виду. Джоэнис снова был свободен. Его беспокоили лишь данное им обещание преподавать в Университете Сент-Стивенс Вуд и мысль о том, что он не знает, чему, собственно, должен учить.

8. Как Джоэнис преподавал в университете, и что он при этом узнал

(Рассказано Маубинги с Таити)

Через некоторое время Джоэнис прибыл в Ньюарк, штат Нью-Джерси, где находился университет Сент-Стивенс Вуд. На обширном зелёном пространстве были раскиданы низенькие, приятных очертаний здания. Глупс по очереди называл строения: Корпус Гретца, Корпус Ваникера, Общага, Столовка, Физическая лаборатория, Дом преподавателей, Библиотека, Часовня, Химическая лаборатория, Новое крыло и Старый Скармут. За университетом протекала река Ньюарк, её серо-бурые воды отливали оранжевыми сбросами с плутониевого завода, расположенного выше по течению. Неподалеку громоздились фабрики промышленного Ньюарка, а прямо перед университетом проходило скоростное восьмиполосное шоссе. «Всё это, – сказал декан Глупс, – привносит дыхание реальности в уединённую академическую атмосферу».

Джоэнису предоставили комнату в Доме преподавателей, а затем пригласили его на коктейль, на вечеринку профессорского состава.

Там он встретил своих коллег. Профессор Ловимомент, заведующий кафедрой английского языка, вынул на минуту трубку изо рта и проговорил: «Добро пожаловать, Джоэнис. Если могу быть чем-то полезен, я к вашим услугам».

Чандлер, кафедра философии, сказал: «Ну что ж...»

Блейк, кафедра физики: «Надеюсь, вы не принадлежите к числу тех гуманитариев, которые считают своим долгом нападать на формулу $E=MC^2$? Уж так оно есть, черт побери, и мы ни перед кем не обязаны извиняться. Я выразил свои взгляды в книге “Совесть физика-ядерщика” и буду отстаивать их до конца. Выпить не хотите?»

Хенли, кафедра антропологии: «Я уверен, что вы будете желанным гостем на моей кафедре, господин Джоэнис».

Дальтон, кафедра химии: «Рад вас видеть в нашей компании, Джоэнис, и милости прошу на мою кафедру».

Джефрард, кафедра античности: «Вы, наверное, смотрите свысока на такую старую перечницу, как я?»

Харрис, кафедра политических наук: «Ну что ж...»

Свободмен, кафедра изящных искусств: «Добро пожаловать, Джоэнис. У нас довольно разнообразная программа, не правда ли?»

Хойтберн, кафедра музыки: «По-моему, я читал вашу диссертацию, Джоэнис, и должен вам сообщить, что не вполне согласен с той аналогией, которую вы проводите касательно Монтеверди. Разумеется, я не специалист в вашей области, но ведь и вы не специалист в моей, так что нам обоим, очевидно, трудно проводить аналогии, не так ли? Тем не менее приветствую вас в нашей компании».

Птолемей, кафедра математики: «Джоэнис? Кажется, я читал вашу докторскую работу по системам оценки двоичного смысла. Мне она показалась весьма любопытной. Хотите еще выпить?»

Шан Ли, кафедра французского языка: «Рад с вами познакомиться, Джоэнис. Разрешите наполнить ваш бокал?»

Весь вечер проходил в подобных и даже ещё более приятных разговорах. Джоэнис пытался ненавязчиво выяснить, какой же предмет ему предстоит вести, беседуя с теми из профессоров, которые, казалось, были в курсе. Увы, эти люди, возможно из деликатности, не касались предмета Джоэниса, а предпочитали рассказывать истории, близкие им самим.

Поняв, что его попытки тщетны, Джоэнис вышел в фойе и оглядел доску объявлений. Единственное объявление, которое имело к нему отношение, гласило, что занятия господина Джоэниса начнутся в 11.00 в аудитории 143 Нового крыла вместо аудитории 341 Корпуса Ваникера, как было сообщено ранее.

Джоэнис подумал, не отвести ли ему в сторону одного из профессоров, например господина Чандлера с кафедры философии (науки, безусловно, не чуждой подобных деликатных сомнений), и не спросить в лоб, что ему, Джоэнису, надо преподавать. В конце концов этому мешала его врожденная стеснительность. Вечеринка закончилась, и Джоэнис удалился к себе в комнату в Доме преподавателей, так ничего и не узнав.

На следующее утро, стоя у входа в аудиторию 143 Нового крыла, Джоэнис испытал типичный страх начинающего актера перед выходом на сцену. Он даже подумал, не удрать ли из университета. Но ему так пришлась по душе университетская жизнь, судя по первым о ней впечатлениям, что было очень жаль лишаться её из-за такого пустяка. Поэтому, придав лицу строгое выражение, он решительно вошёл в аудиторию.

Разговоры стихли, студенты с живым интересом рассматривали нового преподавателя. Джоэнис собрался с мыслями и обратился к классу с той напускной уверенностью, которая нередко лучше уверенности самой по себе.

– Вот что, класс, – сказал он, – я полагаю, что вам следует немедленно уяснить некоторые вещи. Ввиду определённой необычности моего курса кое-кто из вас, вероятно, считает, что тут нечего делать и что занятия наши будут носить развлекательный характер. Тех, кто так думает, предупреждаю сразу: лучше переводитесь на другой курс, более соответствующий вашим ожиданиям.

В аудитории воцарилось напряжённое молчание.

Джоэнис продолжил:

– До некоторых, возможно, дошли слухи, будто бы у меня легко получить положительную оценку. Советую побыстрее избавиться от этого заблуждения. Я отношусь к ответам беспристрастно и строго. Знайте, что, если потребуется, я без колебания завалю весь поток.

Легкий вздох, почти что отчаянная мольба, сорвался с губ студентов. По жалобным взглядам Джоэнис понял, что стал хозяином положения. Поэтому несколько смягчил тон.

– Теперь, когда мы познакомились поближе, мне остается только сказать вам – тем, кто выбрал этот курс из искренней жажды знаний, – добро пожаловать в нашу компанию!

Студенты, как единый гигантский организм, разом облегчённо выдохнули. Следующие двадцать минут Джоэнис занимался тем, что записывал фамилии и места слушателей. Когда он довел список до конца, его осенила счастливая идея.

– Господин Этельред, – обратился Джоэнис к серьёзному и знающему на вид студенту, сидящему в первом ряду, – будьте любезны, подойдите ко мне и напишите на доске крупными буквами, чтобы всем было видно, название нашего курса.

Этельред с трудом сглотнул, заглянул в свою тетрадку и вывел на доске: «ОСТРОВА ЮГО-ЗАПАДНОЙ ЧАСТИ ТИХОГО ОКЕАНА: МОСТ МЕЖДУ ДВУМЯ МИРАМИ».

– Очень хорошо, – сказал Джоэнис. – А теперь вы, мисс Хуа, пожалуйста, возьмите мел и запишите краткий перечень тех вопросов, которые освещает наш курс.

Мисс Хуа оказалась высокой скромной девушкой в очках, и Джоэнис интуитивно почувствовал в ней хорошую студентку. Она написала: «ДАННЫЙ КУРС ЗАТРАГИВАЕТ ВОПРОСЫ КУЛЬТУРЫ ОСТРОВОВ ЮГО-ЗАПАДНОЙ ЧАСТИ ТИХОГО ОКЕАНА, С ПРИДАНИЕМ ОСОБОГО ВНИМАНИЯ ИСКУССТВУ, НАУКЕ, МУЗЫКЕ, РЕМЕСЛАМ, ФОЛЬКЛОРУ, ПСИХОЛОГИИ И ФИЛОСОФИИ. БУДУТ ПРОВЕДЕНЫ АНАЛОГИИ МЕЖДУ ИЗУЧАЕМОЙ КУЛЬТУРОЙ, ЕЁ АЗИАТСКИМИ ИСТОКАМИ И КУЛЬТУРНЫМИ ЗАИМСТВОВАНИЯМИ В ЕВРОПЕ».

– Отлично, мисс Хуа, – кивнул Джоэнис.

Теперь он знал, что должен преподавать. Разумеется, осталось ещё немало трудностей. Он жил на Манитуатуа, в самом сердце южной части Тихого океана. О юго-западной части, куда, как ему казалось, входили Соломоновы, Маршалловы и Каролинские острова, он имел крайне слабое представление. И уж вовсе ничего он не знал о культурах Европы и Азии, с которыми ему предстояло проводить параллели.

Это, конечно, несколько обескураживало, но Джоэнис был уверен, что сумеет преодолеть все трудности. Кроме того, он с облегчением заметил, что время занятия истекло.

– Что ж, на сегодня достаточно, – сказал он студентам. – До свидания, или, как говорят полинезийцы, *алоха*. И ещё раз добро пожаловать в нашу компанию!

С этими словами Джоэнис распустил свой класс. Когда все разошлись, в аудиторию вошел декан Глупс.

– Не вставайте, пожалуйста, – произнес он. – Я к вам, если можно так выразиться, неофициально. Я стоял за дверью и слушал, и, хочу признаться, восхищен вашим подходом. Вы увлекли их, Джоэнис. По чести говоря, я опасался, что вам придется несладко, так как на курс почти целиком записалась наша баскетбольная команда. Но вы продемонстрировали ту самую гибкую твёрдость, которая является вершиной истинной педагогики. Я поздравляю вас и предсказываю вам долгую и блестящую карьеру в нашем университете.

– Благодарю вас, сэр, – ответил Джоэнис.

– Не надо меня благодарить, – мрачно произнес декан Глупс. – Мое последнее предсказание относилось к барон-профессору Мольтке, выдающемуся специалисту в области теории ошибок. Я пророчил ему великое будущее, а через три дня после начала семестра бедняга Мольтке свихнулся и убил пятерых членов университетской футбольной команды. В тот год мы проиграли Амхерсту, и больше я своей интуиции не доверяю. Тем не менее искренне желаю вам удачи, Джоэнис. Я всего лишь простой администратор, однако я хорошо знаю, что мне нравится.

Глупс отрывисто кивнул и покинул аудиторию. Выждав для приличия некоторое время, Джоэнис поспешил в книжную лавку, чтобы приобрести необходимую для курса литературу. К несчастью, она была распродана, и ближайшее поступление ожидалось не раньше чем через неделю.

Джоэнис пошел в свою комнату, лег на постель и погрузился в размышления об интуиции декана Глупса и о сумасшествии, постигшем бедного профессора Мольтке. Он проклинал злую судьбу, позволившую купить книги студентам и обошедшую куда более остро в них нуждающегося преподавателя. А ещё он пытался придумать, что делать на следующем занятии.

Когда пришло время и Джоэнис стал лицом к классу, на него снизошло озарение.

– Сегодня я вас учить не буду. Поступим наоборот – вы будете учить меня. О культуре юго-западной части Тихого океана, как вам, безусловно, известно, распространено множество искаженных представлений. В связи с этим, перед тем как мы начнем формальное изучение предмета, я бы хотел послушать вас. Говорите прямо и открыто, не бойтесь высказывать собственное мнение, даже если вы в чем-то не уверены. Наша цель на данном этапе – со всей откровенностью поделиться своими суждениями, чтобы впоследствии переориентироваться, если, конечно, это будет необходимо. Таким образом, отбросив ложные представления, мы сможем со свежей головой воспринять эту великую культуру, по праву именуемую «мостом между двумя мирами». Надеюсь, вам это предельно ясно. Мисс Хуа, не начнете ли вы нашу дискуссию?

Джоэнису удалось использовать этот прием на протяжении следующих шести занятий и собрать массу противоречивых сведений о Европе, Азии и юго-западной части Тихого океана. Когда студенты интересовались, верно ли то или иное суждение, Джоэнис улыбался и говорил:

– Оставляю за собой право вернуться к этому вопросу позднее. А пока продолжим наше обсуждение.

На седьмом занятии студенты уже больше ничего не смогли ему рассказать. И тогда Джоэнис стал читать лекцию о воздействии электрических трансформаторов на тихоокеанские атоллы. С помощью анекдотов он растянул этот материал на несколько дней. А если студент задавал вопрос, на который Джоэнис не знал ответа, он неизменно говорил: «Прекрасно, Дубоглав! Вы попали в самую суть проблемы. Подготовьте-ка, пожалуйста, самостоятельно ответ к следующему занятию и изложите в письменной форме объёмом, скажем, в пять тысяч слов».

Таким образом Джоэнис отвадил излишне любопытных, особенно из числа игроков в баскетбол, боявшихся перенапрячь пальцы и выбыть из состава команды.

Но даже несмотря на эти уловки, Джоэнис вскоре опять исчерпал материал. В отчаянии он дал контрольную работу, предложив студентам оценить обоснованность ряда своих собственных суждений. Джоэнис со всей честностью пообещал, что результаты контрольной не отразятся на оценках.

Он понятия не имел, что делать дальше. К счастью, подоспели долгожданные учебники, и в распоряжении Джоэниса оказались суббота и воскресенье для их изучения.

Весьма полезной была книга «Острова юго-западной части Тихого океана: мост между двумя мирами», написанная Хуаном Диего Альваресом де лас Вегасом и де Риверой. Автор когда-то был капитаном одного из перевозивших сокровища кораблей испанского флота, базировавшегося на Филиппинах, и, если не считать выпадов против сэра Фрэнсиса Дрейка, давал полную и содержательную информацию.

Равно полезной оказалась книга, озаглавленная «Культура островов юго-западной части Тихого океана: их искусство, наука, музыка, ремёсла, фольклор, нравы, психология и философия, и связь этой культуры с её азиатскими истоками и культурными заимствованиями в Европе». Книга была написана достопочтенным Алланом Флинт-Мутон, Д.К.Б.И. (Дамой-Командором Британской империи), К.Г.Б., Б.Т.Р., бывшим помощником губернатора Фиджи и руководителем карательной экспедиции на Тонга в 1903 году.

С помощью этих книг Джоэнис стал опережать студентов по крайней мере на одно занятие. Если по той или иной причине ему это не удавалось, он всегда мог дать контрольную работу по пройденному материалу. Но лучше всего было то, что высокая очкастая мисс Хуа вызвалась проверять контрольные работы. Джоэнис испытывал глубокую признательность к преданной науке девушке, освободившей его от утомительнейших и скучнейших педагогических трудов.

Жизнь вошла в спокойное русло. Джоэнис читал лекции и устраивал контрольные работы, а мисс Хуа правила и ставила оценки. Студенты быстро усваивали материал, писали контрольные работы и с лёгким сердцем забывали пройденное. Как и прочие молодые, здоровые организмы, они быстро освобождались от всего вредного, раздражающего или просто надоедливого. Разумеется, они освобождались и от всего полезного, стимулирующего мысль или дающего пищу для размышлений. Об этом, возможно, стоило бы пожалеть, но такова уж неизбежная сторона процесса образования, с которой должен свыкнуться всякий преподаватель. Как сказал Птолемей с кафедры математики: «Ценность университетского образования заключается в том, что оно приближает молодежь к знаниям. Студента, проживающего в удобно расположенном общежитии, отделяют лишь тридцать ярдов от Библиотеки, менее пятидесяти ярдов от Лаборатории физики и всего-навсего десять ярдов от Лаборатории химии. Я полагаю, что все мы можем по праву этим гордиться».

Однако возможностями, которые давал университет, в первую очередь пользовались всё-таки преподаватели, соблюдавшие, правда, осмотрительность. Университетский врач строжайшим образом предупредил их об опасности злоупотребления знаниями и лично отмеривал им еженедельные дозы информации. Увы, несмотря на все предосторожности, несчастные случаи тем не менее происходили. Старый Джеффард получил шок, когда читал в оригинале «Сатирикон», полагая, что это папская энциклика. Потребовались две недели отдыха, прежде чем он

окончательно пришел в себя. А Девлин, самый молодой профессор английского языка, перенес частичную потерю памяти, когда, прочитав «Моби Дика», обнаружил, что не в состоянии дать сколько-нибудь логичную и здравую религиозную интерпретацию этого труда.

Таковы были опасности, свойственные их профессии, однако преподаватели не только не боялись их, но даже гордились ими. Как сказал Хенли с кафедры антропологии: «Землекопы рискуют быть засыпанными мокрым песком; мы рискуем жизнью, зарываясь в старые книги».

Хенли изучал землекопов в полевых условиях и знал, что говорит.

Студенты, за редким исключением, не подвергались подобным опасностям. Они вели жизнь, резко отличавшуюся от жизни профессорско-преподавательского состава. Некоторые из более молодых сохранили ножи и велосипедные цепи, оставшиеся со школьных дней, и по вечерам выходили на улицу в поисках подозрительных личностей. Другие, как правило, проводили время в оргиях, вследствие чего в Зале Свободы приходилось еженедельно устраивать судебные заседания. Кое-кто увлекался спортом. Например, баскетболистов днём и ночью можно было видеть на тренировках, где они бросали мячи с механической регулярностью промышленных роботов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.